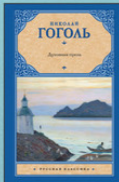

Николай Гоголь

Размышления о Божественной Литургии

*Часть сборника
Духовная проза (сборник)*

Гоголь Н.В. Духовная проза: сборник //Астрель, Москва, 2012

ISBN: 978-5-271-40826-7

FB2: "unknown", 16.01.2015, version 1.1

FB2: "Sergius", 16.01.2015, version 1.1

UUID: 79887A48-8846-4A06-B2C9-3234B18856FF

PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Николай Васильевич Гоголь

Размышления о Божественной Литургии (Духовная проза (сборник) #3)

«Целью этой книги — показать, в какой полноте и внутренней глубокой связи совершается наша Литургия, юношам и людям, еще начинающим, еще мало ознакомленным с ее значением. Из множества объяснений, сделанных Отцами и Учителями, выбраны здесь только те, которые доступны всем своей простотой и доступностью, которые служат преимущественно к тому, чтобы понять необходимый и правильный исход одного действия из другого. Намеренье издающего эту книгу состоит в том, чтобы утвердился в голове читателя порядок всего. Он уверен, что всякому, со вниманьем следующему за Литургиею, повторяя всякое слово, глубокое внутреннее значенье ее раскрываться будет само собою...»

Содержание

Предисловие	0005
Вступление	0006
Проскомидия	0008
Литургия оглашенных	0028
Литургия верных	0052
Заключение	0105

**Николай Гоголь
Размышления о
Божественной Литургии**

Предисловие

Целью этой книги — показать, в какой полноте и внутренней глубокой связи совершается наша Литургия, юношам и людям, еще начинающим, еще мало ознакомленным с ее значением. Из множества объяснений, сделанных Отцами и Учителями, выбраны здесь только те, которые доступны всем своей простотою и доступностью, которые служат преимущественно к тому, чтобы понять необходимый и правильный исход одного действия из другого[1]. Намеренье издающего эту книгу состоит в том, чтобы утвердился в голове читателя порядок всего. Он уверен, что всякому, со вниманьем следующему за Литургиею, повторяя всякое слово, глубокое внутреннее значенье ее раскрываться будет само собою.

Вступление

Божественная Литургия есть вечное повторение великого подвига любви, для нас совершившегося. Скорбь от неустроений своих, человечество отовсюду, со всех концов мира взывало к Творцу своему — и пребывавшие во тьме язычества и лишенные Боговедения — слыша, что порядок и стройность могут быть водворены в мире только Тем, Который в стройном чине повелел двигаться мирам, от Него созданным. Отовсюду тоскующая тварь звала своего Творца. Воплями взывало все к Виновнику своего бытия, и вопли эти слышней слышались в устах избранных и пророков. Предчувствовали и знали, что Создатель, скрывающийся в созданных, предстанет Сам лицом к человекам, — предстанет не иначе, как в образе того создания Своего, созданного по Его образу и подобию. Вочеловечение Бога на земле представлялось всем, по мере того как сколько-нибудь очищались понятия о Божестве. Но нигде так ясно не говорилось об этом, как у пророков Богоизбранного народа. И самое чистое воплощение Его от

чистой Девы было предслышиваемо даже и язычниками; но нигде в такой ощутительно видной ясности, как у пророков.

Вопли услышались: явился в мир. *Им же мир бысть*; среди нас явился в образе человека, как предчувствовали, как предслышали и в темной тьме язычества, но не в том только, в каком представляли Его неочищенные понятия — не в гордом блеске и величии, не как каратель преступлений, не как судия, приходящий истребить одних и наградить других. Нет! Послышалось кроткое лобзание брата. Совершилось Его появление образом, только одному Богу свойственным, как прообразовали Его Божественно пророки, получившие повеление от Бога...

Проскомидия

Священник, которому предстоит совершать Литургию, должен еще с вечера трезвиться телом и духом, должен быть примирен со всеми, должен опасаться питать какое-нибудь неудовольствие на кого бы то ни было. Когда же наступит время, идет он в церковь; вместе с диаконом поклоняются они оба пред царскими вратами, целуют образ Спасителя, целуют образ Богородицы, поклоняются ликам святых всех, поклоняются всем предстоящим направо и налево, испрашивая сим поклоном себе прощения у всех, и входят в олтарь, произнося в себе псалом: *Вниду в дом Твой, поклонюся храму Твоему во страхе Твоем*. И, приступив к престолу лицом к востоку, повергают пред ним три наземные поклона и целуют на нем пребывающее Евангелие, как бы Самого Господа, сидящего на престоле; целуют потом и самую трапезу и приступают к облачению себя в священные одежды, чтобы отделиться не только от других людей, — и от самих себя, ничего не напомнить в себе другим похожего на человека, занимающегося еже-

дневными житейскими делами. И произнося в себе: *Боже! очисти меня грешного и помилуй меня!* священник и диакон берут в руки одежды. Сначала одевается диакон; испросив благословение у иерея, надевает стихарь, подризник блистающего цвета, во знаменованье светоносной ангельской одежды и в напоминанье непорочной чистоты сердца, какая должна быть неразлучна с саном священства, почему и произносит при воздевании его: *Возрадуется душа моя о Господе, облече бо мя в ризу спасения и одеждою веселия одея мя; яко жениху, возложи ми венец и, яко невесту, украси мя красотою.* Затем берет, поцеловав, орарь, узкое длинное лентие, принадлежность диаконского звания, которым подает он знак к начинанью всякого действия церковного, воздвигая народ к молению, певцов к пению, священника к священнодействию, себя к ангельской быстроте и готовности во служении. Ибо званье диакона, что званье ангела на небесах, и самым сим на него воздетым тонким лентием, развевающимся как бы в подобие воздушного крыла, и быстрым хождением своим по церкви изобразует он, по сло-

ву Златоуста, ангельское летание. Лентие это, поцеловав, он набрасывает себе на плечо. Потом надевает он поручи, или нарукавницы, которые стягиваются у самой кисти его руки для сообщенья им большей свободы и ловкости в отправлении предстоящих священнодействий. Надевая их, помышляет о всетворящей, содействующей повсюду силе Божией и, воздевая на правую, произносит он: *Десница Твоя, Господи, прославилася в крепости; десная рука Твоя, Господи, сокрушила врагов и множеством славы Своей Ты истребил супостатов.* Воздевая на левую руку, помышляет о самом себе, как о творении рук Божиих и молит у Него же, его же сотворившего, да руководит его верховным, свышним Своим руководством, говоря так: *Руки Твои сотворили и создали мя. Вразуми меня, и научуся Твоим заповедям.*

Священник облачается таким же самым образом. Вначале благословляет и надевает стихарь, сопровождая сие теми же словами, какими сопровождал и диакон; но, вслед за стихарем, надевает уже не простой одноплечный орарь, но двухплечный, который, по-

крыв оба плеча и обняв шею, соединяется обоими концами на груди его вместе и сходит в соединенном виде до самого низу его одежды, знаменуя сим соединение в его должности двух должностей — иерейской и диаконской. И называется он уже не орарем, но эпитрахилью, и самым воздеваньем своим знаменует изливание благодати свыше на священников, почему и сопровождается это величественными словами Писания: *Благословен Бог, изливающий благодать Свою на священники Своя, яко миро на главе, сходящее на браду, браду Аарону, сходящее на ометы одежды его.* Затем надевает поручи на обе руки свои, сопровождая теми же словами, как и диакон, и препоясует себя поясом сверх подризника и эпитрахили, дабы не препятствовала ширина одежды в отпращивании священнодействий и дабы сим препоясанием выразить готовность свою, ибо препоясуетя человек, готовясь в дорогу, приступая к делу и подвигу: препоясуетя и священник, собираясь в дорогу небесного служения, и взирает на пояс свой, как на крепость силы Божией, его укрепляющей, почему и произносит: *Благо-*

словен Бог, препоясующий мя силою, соделавший путь мой непорочным, быстрейшими еленей мои ноги и поставляющий меня на высоких, то есть, в дому Господнем. Если же он облечен при этом званием высшим иерейства, то привешивает к бедру своему четырехугольный набедренник одним из четырех концов его, который знаменует духовный меч, всепобеждающую силу Слова Божия, в возвешение вечного ратоборства, предстоящего в мире человеку, — ту победу над смертию, которую одержал в виду всего мира Христос, да ратоборствует бодро бессмертный дух человека противу тления своего. Потому и вид имеет сильного оружия брани сей набедренник; привешивается на поясе у чресла, где сила у человека, потому и сопровождается воззванием к Самому Господу: *Препояши меч Твой по бедре Твоей, Сильне, красотою Твоею и добротою Твоею, и наляцы, и успевай, и царствуй истины ради, и кротости, и правды, и наставит тя дивно десница Твоя.* Наконец, надевает иерей фелонь, верхнюю всепокрывающую одежду, в знаменование верховной всепокрывающей правды Божией, и сопро-

вождает сими словами: *Священники Твои, Господи, облекутся в правду и преподобнии Твои радостию возрадуются.* И одетый таким образом в орудия Божии, священник предстоит уже иным человеком: каков он ни есть сам по себе, как бы ни мало был достоин своего звания, но глядят на него все стоящие во храме, как на орудие Божие, которым наляпает Дух Святой. Как священник, так и диакон омывают оба руки, сопровождая чтением псалма: *Умыю в неповинных руки мои и обыду жертвенник Твой.* Повергая по три поклона в сопровождении слов: *Боже! очисти мя грешного и помилуй,* встают омытые, усветленные, подобно сияющей одежде своей, ничего не напоминая в себе подобного другим людям, но подобясь скорее сияющим видениям, чем людям.

Диакон напоминает о начале священнодействия словами: *Благослови, владыко!* И священник начинает словами: *Благословен Бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков,* и приступает к боковому жертвеннику. Вся эта часть служения состоит в приготовлении нужного к служению, то есть, в отделении от

приношений, или хлебов-просфор, того хлеба, который должен вначале образовать Тело Христово, а потом пресуществиться в него.

Так как вся Проскомидия есть не что иное, как только приготовление к самой Литургии, то и соединила с нею Церковь воспоминание о первоначальной жизни Христа, бывшей приготовленьем к Его подвигам в мире. Она совершается вся в олтаре при затворенных дверях, при задернутом занавесе, незримо от народа, как и вся первоначальная жизнь Христа протекала незримо от народа. Для молящихся же читаются в это время часы — собранные псалмов и молитв, которые читались христианами в четыре важные для христиан времена дня: час первый, когда начиналось для христиан утро, час третий, когда было сошествие Духа Святаго, час шестой, когда Спаситель мира пригвожден был к кресту, час девятый, когда Он испустил дух Свой. Так как нынешнему христианину, по недостатку времени и беспрестанным развлеченьям, не бывает возможно совершать эти моления в означенные часы, для того они соединены и читаются теперь.

Приступив к боковому жертвеннику, или предложению, находящемуся в углублении стены, знаменующему древнюю боковую комору храма, иерей берет из них одну из просфор с тем, чтобы изъять ту часть, которая станет потом Телом Христовым — средину с печатью, ознаменованной именем Иисуса Христа. Так он сим изъятьем хлеба от хлеба знаменует изъятие плоти Христа от плоти Девы — рождение Бесплотного во плоти. И, помышляя, что рождается Принесший в жертву Себя за весь мир, соединяет неминуемо мысль о самой жертве и принесении и смотрит на хлеб, как на агнца, приносимого в жертву, на нож, которым должен изъять, как на жертвенный, который имеет вид копья в напоминание копья, которым было прободено на кресте Тело Спасителя. Не сопровождает он теперь своего действия ни словами Спасителя, ни словами свидетелей, современных случившемуся, не переносит себя в минувшее, — в то время, когда совершилось сие принесение в жертву: то предстоит впереди, в последней части Литургии; и к сему предстоящему он обращается издали прозревающею мыс-

лию, почему и сопровождает все священнодействие словами пророка Исаии, издали, из тьмы веков, прозревавшего будущее чудное рождение, жертвоприношение и смерть и возвестившего о том с ясностью непостижимою. Водружая копьё в правую сторону печати, произносит слова Исайи: *как овечка ведётся на заклание*; водрузив копьё потом в левую сторону, произносит: *и как непорочный ягненок, безгласный перед стригущими его, не отверзает уст своих*; водружая потом копьё в верхнюю сторону печати: *Был осужден за Свое смиренье, в смиреньи Его суд Его взятся*. Водрузив потом в нижнюю, произносит слова пророка, задумавшегося над дивным происхождением осужденного Агнца, — слова: *Род же Его кто исповесть?* И приподъемлет потом копьём вырезанную средину хлеба, произнося: *яко вземлетя от земли живот Его*; и начертывает крестовидно, во знамение крестной смерти Его, на нем знак жертвоприношения, по которому он потом раздробится во время предстоящего священнодействия, произнося: *Жертвоприносится Агнец Божий, вземлющий грех мира сего, за мирской живот*

и спасение. И обратив потом хлеб печатью вниз, а вынутой частью вверх, в подобье агнца, приносимого в жертву, водружает копьё в правый бок, напоминая, вместе с заколением жертвы, прободение ребра Спасителя, совершенное копьем стоявшего у креста воина; и произносит: *един от воин копием ребра Его прободе, и абие изыде кровь и вода: и видевый свидетельства, и истинно есть свидетельство его.* И слова сии служат вместе с тем знаком диакону ко влитию в Святую Чашу вина и воды. Диакон, доселе взиравший благоговейно на все совершаемое иереем, то напоминая ему о начинании священнодействия, то произнося внутри самого себя: *Господу помолимся!* при всяком его действии, наконец, вливает вина и воды в Чашу, соединив их вместе и испросив благословенья у иерея. Таким образом приготовлены и вино, и хлеб, да обратятся потом во время возвышенного священнодействия предстоящего.

И во исполнение обряда первенствующей Церкви и святых первых христиан, воспомявших всегда, при помышлении о Христе, о всех тех, которые были ближе к Его сердцу ис-

полнением Его заповедей и святостью жизни своей, приступает священник к другим просфорам, дабы, изъяв от них части в воспоминание их, положить на том же дискосе возле того же Святого Хлеба, образующего Самого Господа, так как и сами они пламенели желанием быть повсюду с своим Господом. Взявши в руки вторую просфору, изъе­млет он из нее частицу в воспо­минанье Пресвятыя Бого­ро­дицы и кладет ее по правую сторону Свято­го Хлеба, произнося из псалма Давида: *Предста Царица одесную Тебя, в ризы позлащены одеяна, преукрашена.* Потом берет третью просфору, в воспо­минанье святых, и тем же ко­пьем изъе­млет из нее девять частиц в три ряда, по три в каждом. Изъе­млет первую ча­стицу во имя Иоанна Крестителя, вторую во имя пророков, третью во имя апостолов и сим за­вершает первый ряд и чин святых. Затем изъе­млет четвертую частицу во имя святых отцов, пятую во имя мучеников, шестую во имя преподобных и богоносных отцов и мате­рей и за­вершает сим второй ряд и чин свя­тых. Потом изъе­млет седьмую частицу во имя чудотворцев и бессребреников, восьмую во

имя Богоотец Иоакима и Анны и святого, его же день; девятую во имя Иоанна Златоуста или Василия Великого, смотря по тому, кого из них правится в тот день служба, и завершает сим третий ряд и чин святых, и полагает все девять изъятых частиц на святой дискос возле Святого Хлеба по левую его сторону. И Христос является среди Своих ближайших, во святых Обитающий зрится видимо среди святых Своих — Бог среди богов, человек посреди человеков. И принимая в руки священник четвертую просфору в поминовенье всех живых, изъемлет из нее частицы во имя императора, во имя синода и патриархов, во имя всех живущих повсюду православных христиан и, наконец, во имя каждого из них поименно, кого захочет помянуть, о ком просили его помянуть. Затем берет иерей последнюю просфору, изъемлет из нее частицы в поминовенье всех умерших, прося в то же время об отпущении им грехов их, начиная от патриархов, царей, создателей храма, архиерея, его рукоположившего, если он уже находится в числе усопших, и до последнего из христиан, изъемя отдельно во имя каждого,

о котором его просили, или во имя которого он сам восхочет изъять. В заключение же всего испрашивает и себе отпущения во всем и также изъемлет частицу за себя самого, и все их полагает на дискос возле того же Святого Хлеба внизу его. Таким образом, вокруг сего хлеба, сего Агнца, изображающего Самого Христа, собрана вся Церковь Его, и торжествующая на небесах, и воинствующая здесь. Сын Человеческий является среди человеков, ради которых Он воплотился и стал человеком. Взяв губку, священник бережно собирает ею и самые крупичицы на дискос, дабы ничто не пропало из Святого Хлеба, и все бы пошло в утверждение.

И отошедши от жертвенника, поклоняется иерей, как бы он поклонялся самому воплощению Христову, и приветствует в сем виде хлеба, лежащего на дискосе, появление Небесного Хлеба на земле, и приветствует его каждением фимиама, благословив прежде кадило и читая над ним молитву: *Кадило Тебе приносим, Христе Боже наш, в воню благоухания духовного, которое принявши во превышенебесный Твой жертвенник, возниспосли нам бла-*

годать Пресвятого Твоего Духа.

И весь переносится мыслию иерей во время, когда совершилось Рождество Христово, возвращая прошедшее в настоящее, и глядит на этот боковой жертвенник, как на таинственный вертеп, в который переносилось на то время Небо на землю: Небо стало вертепом, и вертеп — Небом. Обкадив звездицу, две золотые дуги со звездою наверху, и постановив ее на дискосе, глядит на нее, как на звезду, светившую над Младенцем, сопровождая словами: *И, пришедши, звезда стала вверху, иде же бе Отроча;* на Святой Хлеб, отделенный на жертвоприношение, — как на новородившегося Младенца; на дискос — как на ясли, в которых лежал Младенец; на покровы — как на пелены, покрывавшие Младенца. И обкадив первый покров, покрывает им Святой Хлеб с дискосом, произнося псалом: *Господь воцарися, в лепоту облечеса...* и проч., — псалом, в котором воспевается дивная высота Господня. И обкадив второй покров, покрывает им Святую Чашу, произнося: *Покрыла небеса, Христос, Твоя добродетель, и хвалы Твоей исполнилась земля.* И взяв потом большой покров,

называемый святым воздухом, покрывает им и дискос, и Чашу вместе, взывая к Богу, да покроет нас кровом крыла Своего. И отошед от предложения, поклоняются оба Святому Хлебу, как поклонялись пастыри-цари новорожденному Младенцу, и кадит пред вертепом, изображая в сем каждении то благоухание ладана и смирны, которые были принесены вместе с золотом мудрецами.

Диакон же по-прежнему соприсутствует внимательно иерею, то произнося при всяком действии: *Господу помолимся*, то напоминая ему о начинании самого действия. Наконец, принимает из рук его кадильницу и напоминает ему о молитве, которую следует вознести ко Господу о сих для Него приуготовленных Дарах, словами: *О предложенных Честных Дарах Господу помолимся!* И священник приступает к молитве. Хотя Дары эти не более как приуготовлены только к самому приношению, но так как отныне ни на что другое уже не могут быть употреблены, то и читает священник для себя одного молитву, предваряющую о принятии сих предложенных к предстоящему приношению Даров. И в таких

словах его молитва: *Боже, Боже наш, пославший нам Небесный Хлеб, пищу всего мира, нашего Господа и Бога Иисуса Христа, Спасителя, Искупителя и Благодетеля, благословляющего и освящающего нас. Сам благослови предложение сие и прими во свышенебесный Твой жертвенник: помяни, как Благой и Человеколюбец, тех, которые принесли, тех, ради которых принесли, и нас самих сохранив неосужденными во священнодействии Божественных Тайн Твоих. И творит, вслед за молитвой, отпуст Проскомидии; а диакон кадит предложение и потом крестовидно святую трапезу. Помышляя и о земном рождении Того, Кто родился прежде всех веков, присутствуя всегда повсюду и повсеместно, произносит в самом себе: во гробе плотски, во аде же с душою, яко Бог, в раю же с разбойником и на престоле был еси, Христе, со Отцем и Духом, вся исполняяй Неописанный. И выходит из олтаря, с кадиланицей в руке, чтобы наполнить благоуханием всю церковь и приветствовать всех, собравшихся на Святую Трапезу Любви. Каждение это совершается всегда в начале службы, как и в жизни домашней всех древ-*

них восточных народов предлагались всякому гостю при входе омовения и благовоения. Обычай этот перешел целиком на это пиршество небесное — на Тайную Вечерю, носящую имя Литургии, в которой так чудно соединилось служение Богу вместе с дружеским угощением всех, которому пример показал Сам Спаситель, всем служивший и умывший ноги. Кадя и поклоняясь всем равно, и богатому, и нищему, диакон, как слуга Божий, приветствует их всех, как наилюбезных гостей небесному Хозяину, кадит и поклоняется в то же время и образам святых, ибо и они суть гости, пришедшие на Тайную Вечерю: во Христе все живы и неразлучны. Приуготовив, наполнив благоуханием храм и, возвратившись потом в олтарь и вновь обкадив его, полагает, наконец, кадельницу в сторону, подходит к иерею, и оба вместе становятся перед святым престолом.

Став перед святым престолом, священник и диакон три раза поклоняются долу и, готовясь начинать настоящее священнодействие Литургии, призывают Духа Святаго, ибо все служение их должно быть духовно. Дух —

учитель и наставник молитвы: *о чесом бо помолимся, не вемы*, говорит апостол Павел: *но Сам Дух ходатайствует о нас въздыханьи неизглаголаньными*. Моля Святаго Духа, дабы вселился в них и, вселившись, очистил их для служения, и священник, и диакон дважды произносят песнь, которою приветствовали ангелы Рождество Иисуса Христа: *Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение*. И вослед за сей песнью отдергивается церковная занавесь, которая отдергивается только тогда, когда следует подъять мысль молящихся к высшим горним предметам. Здесь отъятье горних дверей знаменует, вослед за песней ангелов, что не всем было открыто Рождество Христово, что узнали о нем только ангелы на небесах, Мария с Иосифом, волхвы, пришедшие поклониться, да издалека прозревали о нем пророки. Священник и диакон произносят в себе: *Господи! отвори уста мои — и уста мои возвестят хвалу Твою*. Священник целует Евангелие, диакон целует святую трапезу и, подклонив главу свою, напоминает так о начинании Литургии: тремя перстами руки подъяет орарь

свой и произносит: *Время сотворить Господу: благослови, владыко!* И благословляет его священник словами: *Благословен Бог наш, всегда, ныне, и присно, и во веки веков.* И помышляя диакон о предстоящем ему служении, в котором должно подобиться ангельскому летанью, — от престола к народу и от народа к престолу, собирая всех в едину душу, и быть, так сказать, святой возбуждающею силою, и чувствуя недостойнство свое к такому служению, — молит смиренно иерея: *Помолись обо мне, владыко! — Да исправит Господь стопы твоя!* — ему ответствует на то иерей. *Помяни меня, владыко святой! — Да помянет тебя Господь во Царствии Своем, всегда, и ныне, и присно, и во веки веков.* Тихо и одобренным гласом диакон произносит: *аминь*, и выходит из олтаря северной дверью к народу. И, взошед на амвон, находящийся противу царских врат, повторяет еще раз в самом себе: *Господи, отверзи уста моя — и уста моя возвестят хвалу Тебе;* и, обратившись к олтарю, взывает еще раз к иерею: *Благослови, владыко!* Из глубины святилища возглашает на то иерей: *Благословенно Царство...* — и Литургия начи-

нается.

Литургия оглашенных

Вторая часть Литургии называется Литургией оглашенных. Как первая часть, Проскомидия, соответствовала первоначальной жизни Христа, Его рождению, открытому только ангелам да немногим людям, Его младенчеству и пребыванию в сокровенной неизвестности до времени появления в мир, — так вторая соответствует Его жизни в мире среди людей, которых огласил Он словом истины. Называется она Литургией оглашенных еще потому, что в первоначальные времена христиан к ней допускались и те, которые только готовились быть христианами, еще не приняли св. Крещения и находились в числе оглашенных. Притом самый образ ее священнодействий, состоя из чтений пророков, Апостола и Св. Евангелия, есть уже преимущественно огласительный.

Иерей начинает Литургию возгласением из глубины олтаря: *Благословенно Царство Отца, и Сына, и Святаго Духа...* Так как чрез воплощенье Сына стало миру очевидно ясно Таинство Троицы, то по этому самому троич-

ное возглашенье предшествует и предсаяет начинанью всяких действий, и молящийся, отрешившись от всего, должен с первого раза поставить себя в Царство Троицы.

Стоя на амвоне, лицом к царским вратам, изобразуя в себе ангела, побудителя людей к молениям, подняв тремя перстами десная руки узкое лентие, — подобие ангельского крыла, — диакон призывает молиться весь собравшийся народ теми же самыми молитвами, которыми неизменно от апостольских времен молится Церковь, начиная с моления о мире, без которого нельзя молиться. Собранные молящихся, знаменуясь крестом, стремясь обратить свои сердца в согласно настроенные струны органа, по которым должно ударять всякое воззвание диакона, восклицает мысленно вместе с хором поющих: *Господи, помилуй!*

Стоя на амвоне, держа молитвенный орарь, изображающий поднятое крыло ангела, стремящего людей к молитве, призывает диакон молиться: о свышнем мире и спасении душ наших, о мире всего мира, благосостоянии Святых Божиих Церквей и соединении

всех; о святом храме и о входящих в него с верой, благоговением и страхом; о государе, синоде, начальствах, духовных и гражданских, палатах, воинстве, о граде, об обители, в которой служится Литургия, о благорастворении воздушных, об обилии плодов земных, о временах мирных; о плавающих, путешествующих, недугующих, страждущих, плененных и о спасении их; о избавлении нас от всяких скорби, гнева и нужды. И, собирая все сею всеобъемлющею цепью молений, называемую великой эктенией, на всякое ее отдельное призыванье, собранье молящихся восклицает вместе с хором поющих: *Господи, помилуй!*

В знаменованье бессилья наших молений, которым недостает душевной чистоты и небесной жизни, призывает диакон, — вспомня о тех, которые умели лучше нашего молиться, — предать самих себя, и друг друга, и всю жизнь нашу Христу Богу. В желаньи искреннем предать самих себя, и друг друга, и всю жизнь нашу Христу Богу, как умели это делать вместе с Богородицею святыя и лучшие нас, взывает вся церковь совокупно с ли-

ком: *Тебе, Господи!* Цепь молений завершает диакон троичным славословием, которое, как вседержущая нить, проходит сквозь всю Литургию, начиная и оканчивая всякое ее действие. Собрание молящихся отвечает утвердительно: *Аминь: Буди! да будет!* Диакон сходит с амвона; начинается пение антифонов.

Антифоны, — противугласники, песни, выбранные из псалмов, пророчески изображающие пришествие в мир Сына Божия, — поются попеременно обоими ликами на обоих крылосах; они заменили сокращенно прежние псаломские, более продолжительные.

Пока продолжается пение первого антифона, священник молится в олтаре внутренней молитвой; а диакон стоит в молитвенном положении пред иконою Спасителя, поднося орарь тремя перстами руки. Когда же окончится пение первого антифона, восходит он снова на амвон призывать собрание молящихся словами: *Вновь и вновь Господу помолимся!* Собрание молящихся восклицает: *Господи, помилуй!* Обратив взоры к ликам святых, диакон напоминает вспомнить вновь Бо-

гоматерь и всех святых, предать самих себя, и друг друга, и всю жизнь Христу Богу. Собрание восклицает: *Тебе, Господи!* Троичным славословием заключает он. Утвердительный аминь изглашает вся церковь. Следует пение второго антифона.

В продолжение второго антифона священник в олтаре молится внутреннею молитвою. Диакон становится опять в молитвенном положении пред иконой Спасителя, держа молитвенный орарь тремя перстами руки; по окончании же пения восходит он снова на амвон и обращается к ликам святых, призывая, как прежде, словами: *В мире Господу помолимся!* Собрание восклицает: *Господи, помилуй!* Диакон взывает: *Заступи, помилуй, спаси и сохрани нас, Боже, Твоею благодатию.* Собрание восклицает: *Господи, помилуй!* Возведя глаза к ликам святых, диакон продолжает: *Пресвятую, Пречистую, Преблагословенную, Славную Владычицу нашу Богородицу со всеми святыми помянувшие, сами себя, и друг друга, и весь живот наш Христу Богу предадим.* Собрание восклицает: *Тебе, Господи!* Троичным славословием оканчивается моление; утвер-

дательным *аминь* отвечает вся церковь; диакон сходит с амвона. А священник в закрытом олтаре молится внутренней молитвой; она — в сих словах: *71 м, даровавший нам сии общие и согласные молитвы! Ты, обещавший двум и трем, собравшимся во имя Твое, подать прошения! исполни же теперь к полезному прошения рабов Твоих: подай в настоящем веке познание Твоей истины, а в будущем даруй Вечную Жизнь!*

С крылоса громко возглашаются во всеуслышанье блаженства, возвестившие в настоящем веке познание истины, а в будущем Вечную Жизнь. Собрание молящихся, взывая воззванием благоразумного разбойника, возопившего к Христу на кресте: *Во Царствии Твоем помяни нас, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем*, повторяет вслед за чтецом сии слова Спасителя:

Блаженны нищие духом, яко тех есть Царствие Небесное — не гордящиеся, не возносящиеся умом.

Блаженны плачущие, яко тии утешатся — плачущие еще больше о собственных несовершенствах и прегрешениях, чем от оскорб-

лений и обид, им наносимых.

Блаженны кроткие, яко тии наследят землю — не питающие гнева ни противу кого, всепрощающие, любящие, которых оружие — всепобеждающая кротость.

Блаженны алчущие и жаждущие правды, яко тии насытятся — алчущие небесной правды, жаждущие восстановить ее прежде в самих себе.

Блаженны милостивые, яко тии помилованы будут — состраждущие о каждом брате, в каждом просящем видящие Самого Христа, за него просящего.

Блаженны чистые сердцем, яко тии Бога узрят — как в чистом зеркале успокоенных вод, не возмущаемых ни песком, ни тиной, отражается чисто небесный свод, так и в зеркале чистого сердца, не возмущаемого страстями, уже нет ничего человеческого, и образ Божий в нем отражается один.

Блаженны миротворцы, яко тии сынове Божии нарекутся — подобно Самому Сыну Божию, сходявшему на землю затем, чтобы внести мир в наши души: так и вносящие мир и примиренье в дома — истинные Бо-

ЖЬИ СЫНЫ.

Блаженны изгнанные правды ради, яко тех есть Царствие Небесное — изгнанные за возвещенье правды не одними устами, но благоуханьем всей своей жизни.

Блаженны есте, егда поносят вас и изженут и рекут всяк зол глагол на вы, лжуще Мене ради. Радуйтеся и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесах — многа, ибо заслуга их троекратна: первая — что уже сами по себе они были невинны и чисты; вторая — что, быв чисты, были оклеветаны; третья — что, быв оклеветаны, радовались, что потерпели за Христа.

Собрание молящихся слезно повторяет вслед за чтецом сии слова Спасителя, возвестившия, кому можно ждать и надеяться на Вечную Жизнь в Будущем Веке, которые суть истинные цари мира, сонаследники и соучастники Небесного Царства.

Здесь торжественно открываются царские врата, как бы врата самого Царствия Небесного, и глазам всех собравшихся предстает сия-

ющий престол, как селенье Божией славы и верховное училище, отколе исходит к нам познание истины и возвещается Вечная Жизнь. Приступив к престолу, священник и диакон снимают с него Евангелие и несут его к народу не царскими вратами, но позади олтаря боковой дверью, напоминающею дверь в той боковой комнате, из которой в первые времена выносились книги на середину храма для чтения.

Собрание молящихся взирает на Евангелие, несомое в руках смиренных служителей Церкви, как бы на Самого Спасителя, исходящего в первый раз на дело Божественной проповеди: исходит он тесной северной дверью, как бы неузнанный, на середину храма, дабы, показавшись всем, возвратиться во святилище царскими вратами. Служители Божьи посреди храма останавливаются; оба преклоняют главы. Иерей молится внутреннею молитвой, чтобы Установивший на небесах воинства ангелов и чины небесные в служенье славы Своей повелел теперь сим самым силам и ангелам небесным, сослужащим нам, совершить вместе с ними вшествие во святи-

лице. А диакон, указывая молитвенным образом на царские двери, говорит ему: *Благослови, владыко, святой вход!* — *Благословен вход святых Твоих, всегда, ныне, и присно, и во веки веков!* — возглашает на это иерей. Дав поцеловать ему Святое Евангелие, диакон несет его в олтарь; но в царских вратах останавливается и, возвысив его в руках своих, возглашает: *Премудрость!* — знаменуя сим, что Слово Божье, Его сын, Его Вечная Премудрость благовестилась миру чрез Евангелие, которое он теперь возвысил в своих руках. И вслед за тем возглашает: *Прóсти!* то есть воспряньте, воздвигнитесь от лени, от небрежного стоянья. Собрание молящихся, воздвигаясь духом, вместе с хором взывает: *Приидите, поклонимся и припадем ко Христу! Спаси нас, Сыне Божий, Тебе поющих: Аллилуйя!* В еврейском слове аллилуйя выражается: Господь идет, хвалите Господа; но так как, по существу священного языка, в слове идет сокрыто и настоящее и будущее, то есть: идет пришедший и вновь грядущий, то, знаменуя вечное хождение Божие, это слово аллилуйя сопутствует всякий раз тем священнодействиям, когда

Сам Господь исходит к народу в образе Евангелия или Даров Святых.

Евангелие, возвестившее Слово Жизни, поставляется на престоле. На крылосах раздаются или песни в честь праздника того дня, или же хвалебные тропари и гимны в честь святому, которого день празднует Церковь за то, что он уподобился тем, которых поименовал Христос в прочитанных блаженствах, и что живым примером собственной жизни показал, как взлетать вослед за ним в Жизнь Вечную.

По окончаньи тропарей наступает время Трисвятого пения. Испросив на него у иерея благословения, диакон показывается в царских дверях и, проводя орарем, подает знак певцам. Торжественно-громогласно оглашает всю церковь Трисвятое пение, состоящее в сем тройном воззвании к Богу: *Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, помилуй нас!* Воззванием: *Святой Боже* возвещает Трисвятая песнь Бога Отца; воззванием: *Святой Крепкий* — Бога Сына: Его крепость, Его создающее Слово; воззванием *Святой Бессмертный* — Его бессмертную мысль, вечно

живущую волю Бога Духа Святаго. Троекратно певцы подъемлют сие пение, чтобы звучало вслух всем, что с вечным пребываньем Бога пребывало в Нем вечное пребыванье Троицы, и не было времени, чтобы у Бога не было Слова, и чтобы Слову Его оскудевал Дух Святой. *Словом Божьим небеса создашася, и духом уст Его вся сила их*, говорит пророк Давид. Каждый из собранья, сознавая, что и в нем, как в подобьи Божьем, есть та же тройственность, есть Он Сам, Его Слово и Его Дух, или мысль, движущая словом, но что человеческое его слово бессильно, изливается праздно и не творит ничего, а дух его принадлежит не ему, завися от всех посторонних впечатлений и только по возвышении его самого к Богу то и другое приходит в нем в силу: в слове отражается Божье Слово, в духе — Дух Божий, и образ Троицы Создавшего отпечатлевается в создании, и создание становится подобным Создателю, — сознавая все сие, каждый, внимлющий Трисвятому пению, молится внутренне в себе, чтобы Бог Святой, Крепкий и Бессмертный, очистив его всего, избрал его Своим храмом и пребываньем, и три раза повто-

ряет в себе: *Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас!* Священник в олтаре, молясь внутренней молитвой о принятии сего Трисвятого пения, три раза повергается перед престолом и три раза повторяет в себе: *Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный!* И, подобно ему, повторив в себе три раза ту же Трисвятую песнь, диакон три раза повергается вместе с ним перед святым престолом.

И сотворив поклонение, отходит иерей на горнее место, как бы во глубину Боговедения, отколе истекла нам тайна Всесвятая Троицы, как бы в то возвышеннейшее, всюду носящее место, где Сын пребывает в лоне Отчем единством Духа Святаго. И восхожденьем своим изобразует иерей восхожденье Самого Христа вместе с плотью в лоно Отчее, призывающее человека вослед стремиться в лоно Отчее, — возрожденье, прозретое издали пророком Даниилом, который видел в высоком виденьи своем, как Сын Человеческий дошел даже до Ветхого деньми. Иерей идет нетрепетной стопой, произнося: *Благословен грядый во имя Господне*, и на призыванье диакона: *Благосло-*

ви, владыко, горний престол, благословляет его, произносят: Благословен еси на престоле славы Царствия Твоего, седяй на херувимех, всегда, ныне, и присно, и во веки веков. И садится на горнем месте возле седалища, назначенного для архиерея. Отселе, как Божий апостол и его наместник, обратясь лицом к народу, приготовляет он вниманье к слушанью наступающего чтения апостольских посланий, — сидящий, изобразуя самим сиденьем своим свое равенство апостолам.

Чтец, с Апостолом в руке, выходит на середину храма. Воззваньем: вонмем! призывает диакон всех предстоящих ко вниманью. Священник посылает из глубины олтаря и чтецу, и предстоящим желание мира; собранье молящихся ответствует священнику тем же. Но так как служенье его должно быть духовно, подобно служенью апостолов, которые глаголали не свои слова, но Сам Дух Святой двигал их устами, то не говорят: *мир тебе*, но: *духови твоему*. Диакон возглашает: *Премудрость!* Громко, выразительно, чтобы всякое слово было слышно всеми, начинает чтец, прилежно, сердцем приемлющим, душою ищущею,

разумом, испытующим внутренний смысл читаемого, внемлет собранье, ибо чтение Апостола служит ступенью и лестницей к лучшему уразумленью чтения евангельского. Когда чтец окончит чтение, иерей возглашает ему из олтаря: *мир тебе*. Лик отвечает: *и духови твоему*. Диакон возглашает: *Премудрость!* Лик гремит: *аллилуйя*, возвещающее приближенье Господа, идущего говорить народу устами Евангелия.

С кадиланицей в руке идет диакон исполнить благоуханьем храм, навстречу идущего Господа, напоминая каждыйем о духовном очищеньи душ наших, с каким должны мы внимать благоуханным словом Евангелия. Священник в олтаре молится внутренней молитвой, чтобы воссиял в сердцах наших свет Божественного благоразумия, и отверзлись бы наши мысленные очи в уразумение евангельских проповеданий. О воссияньи того же света в сердцах своих молится внутренне собранье, приготавлиаясь к слушанью. Испросив благословенья от иерея, получа от него в напутствие: *Бог молитвами всесвятаго, всевальнаго апостола и евангелиста* (именуется

его имя), да даст тебе глагол благовествующему силою мноюю, во исполнение Евангелия, Возлюбленного Сына Своего, Господа нашего Иисуса Христа, диакон восходит на амвон, предшествуемый несомым светильником, знаменующим всепросвещающий свет Христов. Священник в олтаре возглашает к собранью: *Премудрость! Прости, услышим Святого Евангелия! Мир всем!* Лик отвечает: *и духови твоему.* Диакон начинает чтение.

Благоговейно преклонив главы, как бы внимая Самому Христу, говорящему с амвона, все стараются принять сердцами семя Святого слова, которое устами служителя сеет Сам Сетель Небесный, — не теми сердцами, которых уподобляет Спаситель земле при пути, на которую хоть и упадают семена, но тут же бывают расхищены птицами — налетающими злыми помышлениями, — не теми также сердцами, которых уподобляет Он каменистой почве, только сверху прикрытой землею, которые хоть и охотно приемлют слово, но слово не водружает глубоко корня, ибо нет глубины сердечной; — и не теми также сердцами, которые уподобляет Он неочищенной

земле, глухимой тернием, на которой хоть дает семя всходы, но быстро вырастающие тут же вместе с ними терния, — терния трудов и забот века, терния обольщений, бесчисленные обаяния светской умерщвляющей жизни с ее обманчивыми удобствами, заглушают едва поднявшиеся всходы — и семя остается без плода; — но теми приемлющими сердцами, которых уподобляет Он доброй почве, дающей плод — ово сто, ово шестьдесят, ово тридесят, — которые все, принятое в себя, по выходе из церкви, возвращают в домах, в семье, в службе, в труде, в отдохновениях, в увеселеньях, с людьми в беседах и наедине с самим собою. Словом, всяк верный стремится быть тем, и слушающим и творящим вместе, которого обещает Спаситель уподобить мужу мудру, строящему храмину не на песке, но на камени, так что, если бы тут же, по выходе из церкви набежали на него дожди, реки и вихри всех бедствий, его духовная храмина осталась бы неподвижная, как твердыня на камени. По окончании чтенья священник в олтаре возвещает диакону: *Мир тебе благовествующему*. Приподымая главы,

все предстоящие в чувствовании благодарности восклицают вместе с ликом: *Слава Тебе, Боже наш! Слава Тебе!* Стоящий в царских дверях священник приемлет от диакона Евангелие и поставляет его на престол, как Слово, исшедшее от Бога и к Нему же возвратившееся. Олтарь, изображающий высшие горние селенья, скрывается от глаз — врата царские заворяются, горняя дверь задергивается, знаменуя, что нет других дверей в Царство Небесное, кроме отверстых Христом, что с Ним только можно войти в них: *Аз есмь дверь.*

Тут обыкновенно в первоначальное время христиан было место проповеди; следовали изъясненье и толкованье прочитанных Евангелий. Но так как проповедь в нынешнее время говорится большею частию на другие тексты и, стало быть, не служит изъяснением прочитанного Евангелия, то, чтобы не разрушать стройного порядка и связи священной Литургии, она отнесена к концу.

Изображая ангела, побудителя людей к молениям, диакон идет на амвон воздвигнуть собранье к молениям еще сильнейшим и при-

лежнейшим. *Рцем вси от всея души, и от всего помышления нашего рцем!* — взывает он, подымля тремя перстами молитвенный орарь; и, стремя моленья от всех помышлений, все восклицают: *Господи, помилуй!* Усугубля моленья троекратным воззваньем о помиловании, диакон призывает сызнова молиться о всех людях, находящихся на всех ступенях званий и должностей, начиная с высших, где трудней человеку, где ему больше преткновений и где ему нужней помощь от Бога. Каждый из собранья, зная, как много благоденствие многих зависит от того, когда высшие власти исполняют честно свои обязанности, молится сильно о том, чтобы Бог их вразумил, и наставил исполнять честно свое званье, и всякому подал бы силы пройти честно свое земное поприще. О сем молятся все прилежно, произнеся уже не один раз: *Господи, помилуй!* — но три раза. Вся цепь этих молений называется сугубой эктенией, или эктенией прилежного моленья, и священник в олтаре перед престолом молится прилежно о принятии всеобщих усугубленных молений, и самая молитва его называется-

ся молитвой прилежного моления.

И если в тот день случится какое-либо приношение об усопших, тогда вослед за сугубой эктенией возглашается эктения об усопших. Держа орарь тремя перстами руки, призывает диакон молиться об успокоении душ Божиих рабов, которых всех называет по именам, чтобы Бог простил им всякое прегрешение, вольное и невольное чтобы водворил их души там, где праведные успокоются. Тут всякий из предстоящих припоминает всех близких своему сердцу усопших и произносит в себе три раза на всякое воззвание диакона: *Господи, помилуй!* — молясь прилежно и о своих, и о всех почивших христианах *Милости Божией*, — восклицает диакон: *Небесного Царствия и оставления грехов их у Христа, Бессмертного Царя и Бога нашего, просим!* Собрание взывает с хором поющих: *Подай, Господи!* А священник молится в олтаре, чтобы Поправший смерть и Даровавший жизнь успокоил Сам души усопших рабов Своих в месте злачном, в месте покойном, откуда отбежали болезнь, печаль и воздыхание и, прося им в сердце своем отпущения всех согрешений, возглаша-

ет громко: *Яко Ты еси воскресение, и жизнь, и покой усопших рабов Твоих, Христе, Боже наш и Тебе славу воссылаем со Безначальным Твоим Отцом, и Пресвятым, и Благим, и Животворящим Твоим Духом, ныне, и присно, и во веки веков. Утвердительным аминь* отвечает лик. Диакон начинает эктению об оглашенных.

Хотя и редко бывают теперь не принявшие святого Крещения и находящиеся в числе оглашенных, но всякий присутствующий, помышляя, как далеко он отстоит и верой и делами от верных, удостоивавшихся соприсутствовать Трапезе Любви в первые веки христиан, видя, как он, можно сказать, только огласился Христом, но не внес Его в самую жизнь, только что слышит разум слов его, но не приводит их в исполнение, и еще холодно его верованье, и нет огня всепрощающей любви к брату, поядающей душевную черствость, и что крещенный водой во имя Христа, он не достигнул того возрожденья в духе, без которого ничтожно его христианство, но слову Самого Спасителя: *кто не родится свыше, не увидет в Царстве Небесное*, — соображая

все сие, всякий из присутствующих сокрушенно поставляет себя в число оглашенных и на призыванье диакона: *Помолитесь, оглашенные, Господу!* — от глубины сердца взывает: *Господи, помилуй!*

Верные! — взывает диакон: *помолимся об оглашенных, чтобы Господь их помиловал, чтобы огласил их словом истины, чтобы открыл им Евангелие правды, чтобы соединил их Своей Святой Соборной и Апостольской Церкви, чтобы спас, помиловал, заступил и сохранил их Своею благодатью!*

И верные, чувствующие, как мало они стоят названия Верных, молясь об оглашенных, молятся о самих себе, и на всякое отдельное призыванье диакона восклицают внутренно вслед за поющим ликом: *Господи, помилуй!* Диакон взывает: *Оглашенные, главы ваши Господу преклоните!* Все преклоняют свои главы, восклицая внутренно в сердцах: *Тебе, Господи!*

Священник втайне молится об оглашенных и о тех, которых смиренье души поставило себя в ряды оглашенных. Молитва его в сих словах: *Господи Боже наш, живущий на*

высоких, взирающий на смиренных, ниспославший спасенье человеческому роду — Своего Сына, Бога и Господа нашего, Иисуса Христа! воззри на оглашенных рабов Твоих, поклонивших Тебе свои вши! Приобщи их Церкви Твоей и сопричисли Твоему избранному стаду, чтобы и они славили вместе с нами пречестное и великолепное имя Твое, Отца, и Сына, и Святаго Духа, ныне, и присно, и во веки веков. Лик гремит аминь. А в напомниманье, что наступила минута, в которую древле выводились из церкви оглашенные, диакон возглашает громко: *Оглашенные, изыдите!* И вслед за тем, возвысив голос, возглашает в другой раз: *Оглашенные, изыдите!* И потом в третий раз: *Оглашенные, изыдите!* да никто от оглашенных, одни только верные, вновь и вновь Господу помолимся!

От слов этих содрогаются все, чувствующие свое недостойнство. Взывая мысленно к Самому Христу, изгнавшему из храма Божия продавцов и бесстыдных торгашей, обративших в торжище Его святыню, каждый предстоящий старается изгнать из храма души своей оглашенного, неготового присутство-

вать при святыне, и взывает к Самому Христу, чтобы воздвигнул в нем верного, причисленного к избранному стаду, о котором сказал Апостол: *Язык свят, люди обновления, камение, зиждущееся в храм духовен*, — причисленного к тем истинно верным, которые присутствовали при Литургии в первые века христиан, которых лики глядят теперь на него с иконостаса. И объемля их всех взорами, призывает их на помощь, как братьев, молящихся теперь на небесах, ибо предстоят священнейшие действия — начинается **Литургия верных**.

Литургия верных

В закрытом алтаре иерей распростирает на святом престоле антиминос, вместопрестоллие, — плат с изображеньем Тела Спасителя, на котором должны быть поставлены приуготовленные им на Проскомидии Святой Хлеб и Чаша, исполненная вина и воды, и которые с бокового жертвенника перенесутся теперь торжественно в виду всех верных. Распростерши антиминос, — напоминающий время гонения христиан, когда Церковь не имела постоянного пребывания и, не могши переносить с собою престола, стала употреблять сей плат с частицами мощей, и который остался как бы в возвещенье, что и ныне не прикрепляется она ни к какому исключительному зданью, городу или месту, но, как корабль, носится поверх волн сего мира, не водружая нигде своего якоря: ее якорь на небесах, — распростерши сей антиминос, он приступает к престолу так, как бы приступал к нему в первый раз и как он только теперь готовился начинать настоящее служение: ибо в первоначальное время у христиан только теперь от-

крывался престол, доселе остававшийся закрытым и занавешенным по причине присутствия оглашенных, и только теперь начались настоящие моления верных. Еще в закрытом олтаре припадает он к престолу, и двумя молитвами верных молится он об очищении своем, о неосужденном предстояньи святому жертвеннику, об удостоении его приносить жертвы в чистом свидетельстве совести. А диакон, стоя на амвоне посреди церкви изображая ангела, побудителя к молитвам, держа орарь тремя перстами, призывает всех верных к тем же молениям какими началась Литургия оглашенных.

И так стараясь о приведеньи своих сердец в согласное настроение мира, теперь еще необходимейшего, все верные взывают: *Господи, помилуй!* и еще сильнее молятся о свышнем мире и о спасеньи душ наших, о мире всего мира, благосостояньи Божьих Церквей и соединеньи всех, о святом храме сем и о входящих в него с верою, благоговеньем и страхом Божиим, о том, чтобы избавиться от всякие скорби, гнева и нужды. И взывают еще сильнее в сердцах своих: *Господи, помилуй!*

Иерей из глубины олтаря возглашает: *Премудрость!* — знаменуя сим, что Та же Самая Премудрость, Тот же Вечный Сын, исходивший в виде Евангелия сеять Слово учившее жить, перенесется теперь в виде Святого Хлеба принестись в жертву за весь мир. Воздвигнутые сим напоминанием, все предстоящие устремляют мысли, приготавливаются к предстоящим священнейшим священнодействиям и служениям. Иерей литургисающий втайне молится, припадая к престолу, сею возвышенной молитвой: *Никто из связавшихся чувственными пожеланьями и наслажденьями недостоин приступать к Тебе, или приближаться, или служить Тебе, Царю Славы: ибо служены Тебе велико и страшно и самим силам небесным. Но так как, по безмерному Своему человеколюбию, Ты непреложно и неизменно был человек, Сам был архиерей и Сам передал нам священнодействие сея служебныя и бескровныя жертвы, как Владыка всех, — ибо Ты один, Боже, владычествуешь и небесными, и земными, — носимый херувимски на престоле, Господь серафимов и Царь Израилев. Единый Свят и во святых почиваю-*

щий, то молю Тебя, Единого Благаго, воззри на меня, грешного и непотребного раба Твоего, очисти мою душу и сердце от совести лукавья и удовли меня, облеченного благодатью священства, удовли меня силою Твоего Святаго Духа предстать Святой Твоей Трапезе и священнодействовать Святое и Пречистое Твое Тело и Честную Кровь! К Тебе же прихожу, преклоня мою выю, и молюсь Тебе: да не отвратишь лица Твоего от меня, ниже отринешь меня от отроков Твоих; но сподоби принестись Тебе, посредством меня недостойного, сим Дарам Твоим: ибо Ты еси и приносящий, и приносимый, и приемлющий, и раздаваемый, Христе Боже наш, и Тебе славу воссылаем, со Безначальным Твоим Отцом и Пресвятым, Благим и Животворящим Твоим Духом, ныне, и присно, и во веки веков.

Царские врата разверзаются на середине молитвы, так что иерей зрится еще молящийся с распростертыми руками. Диакон с кадильницею в руке исходит уготовить путь Царю всех, и, обильно распространяемым куреньем подьемля облака кадильных благоуханий, посреди которых перенесется Носимый

херувимами, напоминает всем о том, чтобы исправилась их молитва, яко кадило пред Господом, — напоминает о том, чтобы все, будучи благоуханьем Христовым, по слову Апостола, они вспомнили о том, что нужно им быть чистыми херувимами для поднятия Господа. А лики на обоих клиросах поднимают от лица всей церкви сию Херувимскую песнь: *Мы, тайно изображающие херувимов и воспевающие Трисвятую песнь Животворящей Троице, отложим ныне всякое попеченье, да Царя всех подыдем, невидимо копъеносимаго ангельскими чинми.*

Был у древних римлян обычай новоизбранного императора выносить к народу в сопровожденьи легионов войск на щите под осененьем множества наклоненных над ним копий. Песню эту сложил сам император, упавший в прах со всем своим земным величием пред величием Царя всех, копъеносимаго херувимами и легионами небесных сил: в первоначальные времена сами императоры смиренно становились в ряды служителей при выносе Святого Хлеба.

Пенье сей песни устраивается ангельским,

подобное тому, как в вышине пели незримые силы. Иерей и диакон, повторяя внутренне в себе ту же Херувимскую песнь, приступают к боковому жертвеннику, где совершалась Проскомидия. Приступивши к Дарам, накрытым воздухом, диакон говорит: *Возьми, владыко!* Иерей снимает воздух, и возлагает ему на левое плечо, и глаголет: *Возьмите руки ваша во святая и благословите Господа.* Потом берет дискос с Агнцем и возлагает его на главу диакона; а сам берет Святую Чашу и, предходящему светильнику или лампаде, выходит боковой, или северной, дверью к народу. Если же служенье совершается собором, при множестве иереев и диаконов, то один несет дискос, другой — Чашу, третий — святую ложку, которою приобщаются, четвертый — копье, прободшее Св. Тело. Все принадлежности выносятся, даже самая губка, которою собирались крупицы Святого Хлеба на дискос и которая образует ту губу, омоченную в уксус и желчь, ею же напоили люди Творца своего. При пеньи Херувимской песни, подобясь небесным силам, выступает сей торжественный ход, называемый Великим Выходом.

При виде Царя всех, несомого в смиренном виде Агнца, лежащего на дискосе, как бы на щите, окруженного орудиями земных страданий, как бы копьями несчетных невидимых воинств и чиновначалий, все долу преклоняют свои главы и молятся словами разбойника, завопившего к Нему на кресте: *Помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствии Своем.* Посреди храма останавливается весь ход. Священник пользуется сей великой минутой, чтобы в присутствии несущих Дары помянуть пред Господом имена всех христиан, начиная с тех, кому трудней и священной достались обязанности, от исполнения которых зависит счастье всех и собственное спасенье душ их, — заключая словами: *Вас и всех православных христиан да помянет Господь Бог во Царствии Своем всегда, ныне, и присно, и во веки веков.* Певцы оканчивают Херувимскую песнь троекратным пеньем: *Аллилуйя, возвещающим вечное хождение Господне.* Ход вступает в царские врата. Впереди всех вшедший в олтарь диакон, остановившись по правую сторону дверей, встречает священника словами: *Да помянет Господь Бог Священство*

твое во Царствии Своем. Священник отвечает ему: *Да помянет Господь Бог священно-диаконство твое во Царствии Своем, всегда, ныне, и присно, и во веки веков!* И поставляет Святую Чашу и Хлеб, представляющий Тело Христово, на престол, как бы на гроб. Врата царские затворяются, как бы двери Гроба Господня; занавесь над ними задергивается, как кустодия, поставленная на страже. Иерей снимает с главы диакона святой дискос, как бы он снимал Тело Спасителя со креста, поставляет его на расстланный антиминос как бы на плащаницу, и сопровождает сие действие словами: *Благообразный Иосиф, с древа снем Пречистое Твое Тело, плащаницею чистою обвив и благоуханьми во гробе нове закрыв, положи.* И вспоминая вездесущность Того, Кто теперь лежит пред ним во гробе, говорит в себе: *Во гробе Ты был плотски, во аде с душою, как Бог, в раю с разбойником и в то же время на престоле с Отцем и Духом, Христос, все Собой исполняяй, неописанный!* И, вспоминая славу, в которую облекся сей гроб, говорит: *Как живоносец, как воистину краснейший рая и как светлейший всякого царско-*

го чертога, явился нам Твой гроб, Христе, источник всякого Воскресенья. И снявши покров от дискоса и от Чаши и воздух с плеча диакона, изображающий теперь уже не пелены, в которые повит был Иисус Младенец, но сударь и гробовые покровы, в которые повито было Его мертвое Тело, обкадив их фимиамом, покрывает он ими снова дискос и Чашу, произнося: *Благообразный Иосиф, сняв со древа Пречистое Твое Тело, плащаницею чистою обвив и благоуханьми во гробе новые закрыв, положи.* Потом, взявши от диакона кадильницу, кадит Святые Дары, поклоняясь пред ними три раза, и готовясь к предстоящему жертвоприношению, говорит в себе словами пророка Давида: *Ублажи, Господи, благоволением Твоим Сиона, и да созиждутся стены иерусалимская: тогда благоволиши жертву правды, возношение и всесожигаемая, тогда возложат на олтарь Твоей тельцы:* ибо, пока Сам Бог не воздвигнет, не оградит душ наших иерусалимскими стенами, от всяких плотских вторжений, мы не в силах вознести Ему ни жертв, ни всесожжений, и не поднимется кверху пламень духовного моления, разноси-

мый посторонними помышлениями, набегом страстей и вьюгой возмущенья душевного. Молясь об очищеньи своем для предстоящего жертвоприношения, отдавая кадильницу диакону, опустив фелонь и преклонив главу, говорит он ему: *Помяни меня, брат и сослужитель! — Да помянет Господь Бог твое священство во Царствии Своем!* — отвечает диакон и в свою очередь, помышляя о недостойнстве своем, преклоняет главу и, держа орарь в руке, говорит ему: *Помолись о мне, владыко святой!* Священник ему отвечает: *Дух Святой найдет на тя, и сила Вышняго осенит тя. — Той же Дух содействует нам вся дни живота нашего.* И, полный сознанья своего недостойнства, диакон присовокупляет: *Помяни мя, владыко святой!* Священник ему: *Да помянет Тебя Господь Бог во Царствии Своем, всегда, ныне, и присно, и во веки веков.* Диакон, произнесши: *аминь* и поцеловав ему руку, исходит боковой северной дверью призвать всех предстоящих к молитвам о перенесенных и постановленных на престол Святых Дарах.

Взошед на амвон, лицом к царским две-

рям, подняв орарь тремя перстами руки, в подобье поднятого крыла ангела, побудителя к молитве, возносит он цепь молений, уже непохожих на прежние. Начинаясь призыванием к моленью о перенесенных на престол Дарах, они скоро переходят в те прошения, какие только одни верные, живущие во Христе, возносят к Господу.

Дня всего совершенна, свята, мирна и безгрешна у Господа просим, — взывает диакон.

Собранье молящихся, соединяясь с хором поющих, взывает от сердца: *Поддай, Господи!*

Ангела мирна, верна наставника, хранителя душ и телес наших, у Господа просим.

Собранье: Поддай, Господи!

Прощенья и оставленья грехов и прегрешений наших у Господа просим.

Собранье: Поддай, Господи!

Добрых и полезных душам нашим и мира миру у Господа просим.

Собранье: Поддай, Господи!

Прочее время живота нашего в мире и покаянии скончати у Господа просим.

Собранье: Поддай, Господи!

Христианския кончины живота нашего

безболезненной, непостыдной, мирной и доброго ответа на Страшном Судище Христове просим.

Собранье: Подай, Господи!

Пресвятую, Пречистую, Преблагословенную, Славную Владычицу нашу Богородицу со всеми святыми помянувшие, сами себе, и друг друга, и весь живот наш Христу Богу предадим.

И в истинном желаньи подобно предать самих себя и друг друга Христу Богу, все восклицают: Тебе, Господи!

Эктения завершается возглашеньем: Щедротами Единородного Сына Твоего, с Ним же благословен еси, со Пресвятым, Благим и Животворящим Твоим Духом, ныне, и присно, и во веки веков.

Лик гремит: Аминь.

Олтарь все еще закрыт. Священник все еще не приступает к жертвоприношению: еще много долженствующего предшествовать Тайной Вечери. Из глубины олтаря посылает он приветствие Самого Спасителя: Мир всем! Ему ответ: И духу твоему. Стоя на амвоне, диакон, как было у первых христиан, призы-

вает всех ко взаимной любви словами: *Возлюбим друг друга, да единомыслием исповедаем...* Окончанье признанья подхватывает лик поющих: *Отца, и Сына, и Святаго Духа, Троицу Единосущную и Нераздельную*, возвещая, что, не полюбивши друг друга, нельзя полюбить Того, Кто весь — одна любовь, полная, совершенная, содержащая в Своей Троице и любящего, и любимого, и самое действие любви, которою любящий любит любимого: любящий — Бог Отец, любимый — Бог Сын и сама любовь. Их связующая, — Бог Дух Святой. Три раза поклоняется священник в олтаре, произнося в себе тайно: *Возлюблю Тебя, Господи, крепость моя, Господь утвержденье мое и прибежище мое*, и целует покрытые покровами святой дискос и Святую Чашу, целует край святой трапезы и, сколько бы ни случилось священников, с ним сослужащих, каждый делает то же, и потом все целуют друг друга. Главный говорит: *Христос посреди нас*. Ему ответствуют: *И есть, и будет*. Диаконы также, сколько бы их ни случилось, целуют каждый вначале свой орарь в том месте, где на нем изображенье креста, потом друг друга,

произнося те же слова.

Прежде все предстоящие в церкви лобызали также друг друга, мужи — мужей, жены — жен, произнося: *Христос посреди нас*, и тут же ответствуй: *и есть, и будет*; а потому и теперь всякий предстоящий, собирая мысленно пред собою всех христиан, не только присутствующих во храме, но и отсутствующих, не только близких к сердцу, но и далеких от сердца, спеша примириться с теми, против которых питал какую-нибудь нелюбовь, ненависть, неудовольствие, — всем им спешит дать мысленно лобзанье, говоря внутренне: *Христос посреди нас* — и ответствуя за них: *И есть, и будет*, — ибо без этого он будет мертв для всех следующих священнодействий, по слову Самого Христа: *Остави дар свой и шед прежде примиришь с своим братом и тогда принеси жертву Богу*; и в Другом месте: *Аще кто речет: люблю Бога, а брата своего ненавидит, ложь есть: ибо нелюбяй брата своего, егоже виде, како может любить Бога, Егоже не видя?*

Стоя на амвоне лицом ко всем предстоящим, держа орарь тремя перстами, произно-

сит диакон древнее возглашение: *Двери! Двери!* — древле обращаемое к привратникам, стоявшим у входа дверей, чтобы никто из язычников, имевших обыкновение нарушать христианские богослужения, не ворвался бы нагло и святотатственно в церковь, ныне же обращаемое к самим предстоящим, чтобы берегли двери сердец своих, где уже поселилась любовь и не ворвался бы туда враг любви, а двери уст и ушес отверзли бы к слышанью Символа Веры, во знаменованье чего и отдергивает завеса над царскими дверями, или горняя двери, отверзающиеся только тогда, когда следует устремить вниманье ума к Таинствам высшим. А диакон призывает к слышанью словами: *Премудростию вонмем.* Певцы твердым мужественным пеньем, больше похожим на выговариванье читают выразительно и громко: *Верую во Единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым.* И сохранив миг отдохновенья, чтобы отделилось в мыслях у всех первое лицо Св. Троицы — Бог Отец, продолжают, возвышая голос: *И во Единого Господа Иисуса Христа, сына Божия, Единородного*

Иже от Отца рожденного прежде всех век Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рожденна несотворенна, единосущна Отцу, Имже вся быша. Нас ради человек и нашего ради спасения сшедшаго с небес, и воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы, и вочеловечшася. Распятого же за ны при Понтийстем Пилате, и страдавши, и погребенна. И воскресшаго в третий день по Писанием. И восшедшаго на небеса, и седяща одесную Отца. И паки грядущаго со славою судити живым и мертвым. Егоже Царствию не будет конца. И в Духа Святаго, Господа, Животворящаго, Иже от Отца исходящаго, Иже со Отцем и Сыном спокланяема и сславима, глаголавшаго пророки. И сохранив миг отдохновения, чтобы отделилось в мыслях у всех третье лицо Св. Троицы — Бог Дух Святой, продолжает: Во едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь. Исповедую едино Крещение во оставление грехов. Чаю воскресения мертвых и жизни будущаго века. Аминь.

Твердым, мужественным пенъем, водружая в сердце всякое слово исповедания, поют певцы: твердо повторяет каждый вслед за ни-

ми слова Символа. Мужествуя сердцем и духом, иерей перед святым престолом, долженствующим изобразить Святую Трапезу, повторяет в себе Символ Веры, и все ему сослужащие повторяют его в самих себе, колебля святой воздух над Св. Дарами.

И твердой стопой исходит диакон и возглашает: *Станем добре, станем со страхом, вонмем, святое возношение в мире приносить*, то есть станем, как прилично человеку предстать перед Богом, с трепетом, с страхом и в то же время с мужественным дерзновением духа, славословящего Бога, с восстановившимся согласием мира в сердцах, без которого нельзя вознестись к Богу. И в ответ на призыв вся церковь, принося в жертву хваленье уст и умягченное состоянье сердец, повторяет вслед за хором певцов: *Милость мира, жертву хваления*. В первоначальной Церкви было в обычае приносить в это время елей, знаменующий всякое умягчение. Елей и милость в греческом языке тождественны.

Священник в олтаре снимает между тем воздух со Святых Даров, целует его и кладет на сторону, произнося: *Благодать Господа... А*

диакон, взошедши в олтарь и взявши в руки веяло, или рипиду, веет ею благоговейно над Дарами.

Приступая к совершению Тайной Вечери, иерей посылает из олтаря к народу сие благовествующее возглашение: *Благодать Господа нашего Иисуса Христа и любви Бога и Отца, и причастие Святаго Духа, буди со всеми вами!* И отвечают ему на то все: *и со духом твоим!* И олтарь, изображавший вертеп, теперь уже горница, в которой была уготована Вечеря. Престол, представляющий гроб, теперь уже трапеза, а не гроб. Напоминая о Спасителе, возведшем очи горе перед тем, как преподать Божественную пищу ученикам, священник возглашает: *Горе имеем сердца!* И каждый из стоящих во храме помышляет о том, что имеет совершиться, — что в эту минуту Божественный Агнец идет за него заклаться, Божественная Кровь Самого Господа вливается в Чашу, в его очищение, и все небесныя силы, соединяясь с иереем, о нем молятся, — помышляя о том, стремя свое сердце от земли к Небу, от тьмы к свету, восклицает вослед за всеми: *Имамы ко Господу.*

Напоминая о Спасителе благодарившем, по возведенъи очей горе возглашает иерей: *Благодарим Господа. Лик ответствует: Достояно и праведно есть поклонятся Отцу, и Сыну, и Святому Духу, Троице Единосущной и Нераздельной. А священник молится втайне: Достояно и праведно есть Тебя воспевать, Тебя благословить, Тебя хвалить, Тебя благодарить, Тебе поклоняться на всяком месте владычества Твоего, ибо Ты еси Бог неизреченен, неведом, невидим, непостижим, присносый, такожде сый Ты, и Единородный Твой Сын, и Дух Твой Святый. Ты от небытия в бытие нас привел еси и отпадшия вновь восстановил нас и не отступил еси, вся творя, дондеже на Небо нас возвел еси, и даровал нам Твое Будущее Царство. О сих всех благодарим Тебя, и Единороднаго Твоего Сына, и Духа твоего Святаго, о всех, которые знаем и которых не знаем, о явленных и неявленных благоденнях, бывших на нас. Благодарим Тебя и о службе сей, которую из рук наших прияти изволил еси, хотя и предстоят Тебе тысящи архангелов, и тмы ангелов, херувими и серафими шестокрылатые, многоочитые возвышающися*

пернатые, победную песнь поюще, вопиюще, взывающе и глаголюще: Свят, Свят Господь Саваоф, исполнь Небо и земля славы Твоя!

Эту победную Серафимскую песнь, которую слышали в святых виденьях своих пророки, подхватывает весь лик певцов, унося мысли молящихся к незримым небесам и заставляя их вместе с серафимами повторять: *Свят, Свят, Свят Господь Саваоф*, и облетая вместе с серафимами престол Божественной славы. И так как в то же время вся церковь ожидает в эти минуты сошествия Самого Бога, грядущего принестись в жертву за всех, то к Серафимской песне, раздающейся в небесах, присоединяется песнь еврейских отроков, которую они встретили вшествие Его во Иерусалим, подстилая ветви по пути: *Осанна в вышних, благословен грядый во имя Господне, осанна в вышних!* Ибо Господь взойти готовится во храм, как в таинственный Иерусалим. Диакон продолжает веять веялом над Святыми Дарами, чтобы не могло упасть туда какое насекомое, изображая веяньем движенье благодати; а священник продолжает молиться втайне: *С сими блаженными силами, Владыко*

Человеколюбие, и мы вопием и глаголем, Свят еси и Пресвят, Ты и Единородный Твой Сын, и Дух Твой Святой. Свят еси и Пресвят, и великолепна слава Твоя, Иже мир Твой тако возлюбил еси, яко же сына Твоего Единородного дати, да всяк, веруяй в Него, не погибнет, но имать Живот Вечный, Который, пришед и все смотрение о нас исполнив, в ночь, в которую был предан, или, лучше, Сам Себя предал за жизнь мира, взявши хлеб в святых Своих, пречистых, непорочных руках, благодарив, благословив, освятив, преломив и давши святым своим ученикам и апостолам, сказал... И громко возглашает иерей слова Спасителя: *Приимите, ядите, Сие есть Тело мое, еже за вы ломимое во оставление грехов.* И вся церковь вослед за ликом возглашает аминь. А диакон, держа орарь, указывает священнику на святой дискос, на котором положен Хлеб. Священник продолжает втайне: *Подобно и Чашу по вечере, глаголя...* — и также, по указанию диакона на Чашу, возглашает громко: *Пийте от нея вси, Сия есть Кровь Моя Нового Завета, яже за вы и за многия изливаемая, во оставление грехов.* И также громко возглаша-

ет вся церковь: *аминь*.

Священник продолжает молиться втайне: *И так вспоминая сию спасительную заповедь и все о нас бывшее: крест, гроб, тридневное Воскресение, на небеса восхождение, одесную сидение, второе и славное пришествие вновь* — и, произнесши это в себе, возглашает громко: *Твоя от Твоих Тебе приносяще, о всех и за вся*. Отложив рипиду, диакон приподымает святой дискос и святой потир — алтарь уже не горница Тайная Вечери, престол не трапеза: он уже теперь жертвенник, на котором приносится страшная жертва за весь мир — Голгофа, на которой совершилось закленье Божественной Жертвы. Эта минута есть минута и жертвоприношенья, и напоминанья всякому о жертве Творцу. Поклоненье отдается нами и земным властям; обожанье, уваженье, покорность мы воздаем и людям, но жертву — единому Творцу. Она не прекращалась от самого созданья мира и в каком бы виде ни приносилась, требовалась не самая жертва, но дух сокрушен, с которым она приносилась. Поэтому, всякий из предстоящих, вспомни, что в эту минуту священник, пре-

зрев все долънее, оставивши все помыслы, все мысли о земном, подобно как Авраам, который, когда восходил на горы принести жертву, оставив внизу и жену, и раба, и осла своего, взявши с собой только дрова горького исповеданья прегрешений своих и сжегши их огнем раскаянья душевного, огнем и мечом духа заколовши в себе всякое желанье земных стяжаний и блага земного. Но что пред Богом все наши жертвы, когда Он гласит устами пророка: *яко порт нечист вся дела ваша?* В глубоком сознании, что нет Богу на земле ничего достойного жертвы, каждый из предстоящих обращается мысленно к той же Чаше, которую в олтаре подьемлет служитель олтаря, и восклицает во глубине сердца своего: *Твоя от Твоих Тебе приносяще, о всех и за вся. Лик поет: Тебе поем, Тебе благословим, Тебе благодарим, Господи, и молимтися, Боже наш!*

И наступает верховнейшая минута всей Литургии: пресуществление. В олтаре происходит троекратное призванье Святаго Духа на Святые Дары, — Того Самаго Святаго Духа, которым совершилось воплощенье Христово от

Девы, Его смерть, Воскресенье и без Которого не может пресуществиться хлеб и вино в Тело и Кровь Христову.

Упав ниц перед св. престолом, священник и диакон творят троекратно земные поклоны, произнося в себе: *Господи, Иже Пресвятого Твоего Духа в третий час Апостолом Твоим ниспославый, Того, Благий, не отыми от нас, но обнови нас молящихся.* И каждый вслед за сим призываньем произносит в себе стих: *Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей.* И во второй раз то же призывание: *Господи, Иже Пресвятого Твоего Духа в третий час Апостолом Твоим ниспославый, Того, Благий, не отыми от нас, но обнови нас молящихся;* вслед за тем стих: *Не отвержи мене от лица Твоего и Духа Твоего Святаго не отыми от мене.* И в третий раз призывание: *Господи, Иже Пресвятого Твоего Духа в третий час Апостолом Своим ниспославый, Того, Благий, не отыми от нас, но обнови нас молящихся.* Подклонив главу, диакон указывает орарем на Святой Хлеб, произнося в себе: *Благослови, владыко, Святый Хлеб;* и знаменует его трижды иерей,

глаголя: *И сотвори убо хлеб сей Честное Тело Христа Твоего.* Диакон произносит: *аминь.* И Хлеб уже есть самое Тело Христа. И так же безмолвно указывает диакон орарем на Святую Чашу, произносят в себе: *Благослови, владыко, Святую Чашу.* И, благословляя, глаголет священник: *А еже в Чаши сей, Честную Кровь Христа Твоего.* Диакон произносит: *аминь* и, указав на обоя святая, глаголет: *Благослови, владыко, обоя.* Благословив, произносит священник: *Преложив Духом Твоим Святым;* троекратно произносит диакон: *аминь* — и на престоле уже Тело и Кровь: пресуществленье совершилось! Словом вызвано Вечное Слово. Иерей, имея глагол наместо меча, совершил закланье. Кто бы он ни был сам, — Петр или Иван, — но в его лице Сам Вечный Архиерей совершил сие закланье, и вечно свершает Он его в лице Своих иереев, как по слову: *да будет свет,* свет сияет вечно; как по слову: *да произрастит земля былие травное,* произращает его вечно земля. На престоле — не образ, не вид, но самое Тело Господне, — то самое Тело, которое страдало на земле, терпело заушенья, было оплевано, распято, погребено,

воскресло, вознеслось вместе с Господом и сидит одесную Отца. Вид хлеба сохраняет оно только затем, чтобы быть снедью человеку, и что Сам Господь сказал: *Аз есмь хлеб.*

Церковный звон подымается с колокольной возвестить всем о великой минуте, чтобы человек, где бы он в это время ни находился — в пути ли, в дороге, обрабатывает ли землю полей своих, сидит ли в доме своем, или занят другим делом, или томится на одре болезни, или в тюремных стенах — словом, где бы он ни был, чтобы он мог отовсюду вознести моление и от себя в эту страшную минуту. Все повергается ниц в виду Тела и Крови Господней, взывая ко Господу словами разбойника: *Помяни мя, Господи, во царствии Твоем!*

Подклонив главу священнику, диакон провозносит: *Помяни мя, святой владыко! Ему отвечает священник: Помянет тебя Бог во Царствии Своем, всегда, ныне, и присно, и во веки веков.* И приступает священник к поминанию всех пред лицом Господа, собирая всю Церковь, и торжествующую, и воинствующую, в том виде и порядке, как воспоминались все на Проскомидии, начиная с Богопресвя-

той, Пречистой Матери Господа, Которую тут же вся церковь ублажает, вместе с ликом, хвалебною песнью, как Предстательницу за весь род человеческий, как единственную удостоившуюся, за высокое смирение свое, понести в себе Бога, — чтобы каждый в эту минуту слышал, что высшая добродетель — смирение, и в сердце смиренного воплощается Бог. И вослед за Божию Материю вспоминаются пророки. Апостолы, отцы Церкви в том же порядке, как изнимались за них части на Проскомидии; потом — все усопшие, которых помянник читает диакон, потом живущие, начиная с тех, на которых возложены важнейшие обязанности и высшие, с право правящих слово истины духовных и светских чинов, от государя: да пособит ему Господь на трудном его поприще во всяком деле общего добра, и да в союзном стремлении ко благу ответствует ему весь государственный корабль управленья, палата власти, воинства, исполняя честно долг, *да и мы, в тишине их, тихое и безмолвное житие проживем во всяком благочестии и чистоте.* И о всех предстоящих христианах до единого молится в это

время иерей, чтобы Милостивый на всех излил Свои милости, сокровища их исполнил блага, супружества их соблюл бы в единомыслии и мире, младенцев воспитал бы, юность наставил, старость поддержал, малодушных утешил, расточенных собрал, прельщенных обратил и совокупил Святой Своей Соборной и Апостольской Церкви. И обо всех до последнего христианина в это время молится смиренно иерей, где бы такой христианин ни находился — в пути ли он, в дороге, в плавании, путешествии, страдает ли в недуге, томится ли в заточеньи, в рудах и пропастях земли. Обо всех до едина молится в это время вся церковь, и каждый из предстоящий, сверх этого общего моления обо всех, молится еще о всех своих, близких своему сердцу, всех их поименовая пред лицом Тела и Крови Господней. И возглашает громко священник из олтаря: *И даждь нам едиными усты и единым сердцем славити и воспевати пречестное и великолепное имя Твое, Отца, и Сына, и Святого Духа, ныне, и присно, и во веки веков. Утвердителем аминь* отвечает церковь. Священник возглашает: *И да будут милости Велика-*

го Бога и Спаса нашего Иисуса Христа со всеми вами! Ему ответственуют: и со духом твоим. И сим оканчиваются моления о всех, составляющих Церковь Христову, совершаемые перед лицом самого Тела и самой Крови Христовой.

Диакон восходит на амвон воздвигнуть моления о самых Дарах, уже принесенных Богу и пресуществленных, да не в суд и в осуждение обратятся. Подъяв орарь тремя перстами десныя руки своей, так восперяет он всех к молитве: *Вся святыя помянуше, вновь и вновь миром Господу помолимся!* И воспеваает лик: *Господи, помилуй!* — *О принесенных и освященных Честных Дарах Господу помолимся.* И воспеваает лик: *Господи, помилуй!* — *Яко да Человеколюбец Бог наш, взывает диакон: прияв их во святыи превышенебесный и мысленный Свой жертвенник, в воню благоухания духовного, возниспослет нам Божественную благодать и дар Духа Святаго, помолимся.* И воспеваает лик: *Господи, помилуй!* — *О избавлении нас от всякия скорби, гнева и нужды Господу помолимся.* И воспеваает лик: *Господи, помилуй!* — *Заступи, спаси, помилуй и сохрани*

ни нас, Боже, Твоею благодатию! И взывает лик: Господи, помилуй! — Дня всего совершенного, всего святого, мирного, безгрешного у Господа просим. И воспеваает лик: Подай, Господи! — Ангела мирного, верного наставника, хранителя душ и телес наших, у Господа просим. И воспеваает лик: Подай, Господи! — Прощения и оставления грехов и прегрешений наших у Господа просим. И воспеваает лик: Подай, Господи! — Добрых и полезных душам нашим и мира миру у Господа просим. И воспеваает лик: Подай, Господи! — Прочее время живота нашего в мире и покаянии скончати у Господа просим. И воспеваает лик: Подай, Господи! — Христианския кончины живота нашего безболезненной, непостыдной, мирной и доброго ответа на Страшном Судилище Христовом просим! И воспеваает лик: Подай, Господи! И произносит диакон, уже не призывая в помощь святых, но обращая всех прямо ко Господу: Соединение веры и причастие Святаго Духа испросивши, сами себя, и друг друга, и весь живот наш Христу Богу предадим. И воспевают все в полной и совершенной преданности: Тебе, Господи!

Священник же наместо троичного славословия возглашает: *И сподоби нас, Владыко, со дерзновением, неосужденно сметь призывать Тебя, Небесного Бога Отца, и глаголати.* И все верные в эту минуту не как рабы, исполненные страха, но как дети, как чистые младенцы, доведенные самими молениями и всею службою и постепенным ходом ее святых обрядов до того небесно-умиленного, ангельского состоянья души, в котором может прямо говорить человек с Богом, как с нежнейшим отцом, произносят сию молитву Господню: *Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь, и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим, и не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго.*

Все обняла собою сия молитва, и в ней все заключилось, что нам нужно. Прошением: *да святится имя Твое*, просится первое, о чем прежде всего мы должны просить: где святится Божье имя, там всем хорошо, там, значит, все в любви живут, ибо любовью только свя-

тится имя Божие. Словами *да придет Царствие Твое*, вызывается Царство Правды на землю, ибо без прихода Божья не быть правде: ибо Бог есть правда. К словам: *да будет воля Твоя* — приводит человека и вера, и разум: чья же воля может быть прекрасней Божьей воли? Кто же лучше Самого Творца знает, что нужно Его творению? Кому же ввериться, как не Тому, Который весь есть благотворящее благо и совершенство? Словом: *даждь нам хлеб наш насущный*, просим мы всего, что нужно для дневного существования нашего, хлеб же наш есть Божья Премудрость, есть Сам Христос. Он Сам сказал: *Аз есмь хлеб, и ядый Меня не умрет*. Словом: *остави нам долги наша*, мы просим и о снятии с нас всех тяжких грехов наших, на нас тяготеющих, — просим прощенья нам всего того, чем задолжали мы Самому Творцу в лице братии наших, Который ежедневно и ежеминутно в образе их протягивает нам руку Свою, надрывающим всю душу воплем умоляя о милости и милосердии. Словом: *не введи нас во искушение*, мы просим о избавлении нас от всего смущающего дух наш и отъемлющего у нас душевное

спокойствие. Словом: *но избави нас от лукаваго*, мы просим о небесной радости: ибо как только отступает от нас лукавый, радость уже вдруг входит в нашу душу, и мы уже на земле, как на небесах.

Так все заключает в себе и все объемлет собою сия молитва, которою молиться научила нас Сама Премудрость Божия, и кому же молиться? молиться Отцу Премудрости, породившему Премудрость Свою прежде веков. Так как все предстоящие должны повторять в себе молитву сию не устами, но самой чистой невинностью младенческого сердца, то и самое пенье ее на лицах должно быть младенческое: не мужественными и суровыми звуками, но звуками младенческими, как бы лобзающими самую душу, должна воспеваться сия молитва, да весеннее дыханье самих небес в ней слышится, да лобзанье самих ангелов в ней носится, ибо в молитве этой уже не называем мы и Богом Того, Кто сотворил нас, а говорим Ему просто: *Отче наш!*

Иерей приветствует из глубины олтаря как бы приветствием Спасителя: *Мир всем!* Ему отвечают: *И духови твоему!* Напоми-

ная о сердечном внутреннем исповедании, которое должен всякий совершить внутри самого себя в сию минуту, диакон взывает: *Главы ваши Господеви преклоните!* И, преклонив главы свои, все до единого из предстоящих произносят в себе почти такую молитву: *Тебе, Господи Боже мой, преклоняю главу и во исповедании сердечно вопию: Грешен, Господи, и недостоин просить у Тебя прощения, но Ты, как Человеколюбец, так же ни за что, как блудного сына, меня помилуй, как мытаря, меня оправдай, и удостой меня, как разбойника, Твоего Небесного Царства.* И когда все таким образом, преклонив главы свои, пребывают в внутреннем сокрушении сердечном, иерей молится у олтаря за всех такими, внутри самого себя произносимыми словами: *Благодарим Тебя, Царю Невидимый, Иже неисчетною Твоею силою вся содетельствовал еси, и множеством милости Твоя от небытия в бытие вся привел еси, Сам, Владыко, с небес призри на преклонивших Тебе главы своя, ибо подклонили они их не плоти и крови, но Тебе, Страшному Богу. Ты же, Владыко, все, что предлежит нам, изравняй во благо нам,*

каждому по потребности его: плавающим сплавай, путешествующим спутешествуй, недугующия исцели. Врачу душ и телес! И возглашает вслед за тем великолепное троичное славословие, обращенное к небесной милости Божией: Благодатию, и щедротами, и человеколюбием Единородного Сына Твоего, с Нимже благословен еси, со Пресвятым, Благим и Животворящим Твоим Духом, ныне, и присно, и во веки веков! Лик возглашает: аминь. А священник, приуготовляя к приобщению себя самого и всех потом Тела и Крови Христовой, молится такую тайною молитвою: Вонми, Господи, Иисусе Христе, Боже наш, от святаго жилища Твоего и от престола славы Царствия Твоего! Прииди освятить нас, горе с Отцем сидящий и здесь невидимо нам спребывающий, и сподоби державной рукой Твоей преподать нам священникам Пречистое Тело Твое и Честную Кровь Твою, а нами всем Твоим людям.

Во время глаголения сей молитвы диакон готовится к причащению: становится перед царскими вратами, опоясуя себя орарем и складывая его крестовидно на себе в подобье

ангелов, крестовидно складывающих на себе крылья и закрывающих ими лица свои перед неприступным светом Божества. Поклоняясь три раза, так же как и священник, произносит он три раза в себе: *Боже, очисти меня грешного и помилуй меня!* Когда же священник прострет руки свои к святому дискосу, воздвигающим словом *вонмем* напоминает он всем во храме к устремленью мысли на происходящее. Олтарь сокрывается от глаз народа, завеса задергивается, да совершится прежде приобщение самих иереев. Один только голос иерея, подъемлющего святой дискос: *Святая святым*, раздается из олтаря. Содрогаясь от сего возвещения, говорящего, что нужно быть святым для принятия святыни, весь молящийся храм ответствен ему: *Един Свят, един Господь, Иисус Христос, во славу Бога Отца*, и воспеваает вслед за тем хвалебный гимн святому, его же день, в возвещенье, что можно быть святу человеку, так же как стал свят святой, которому гимн поется: стал свят он не своей святостью, но святостью Самого Христа. Пребываньем во Христе святится человек и в такие минуты пребыва-

нья свят, как Сам Христос, подобно как железо, когда пребывает в огне, становится и само огонь и потухает вмиг, как только изъемлет-ся из огня, и становится вновь темным железом.

Священник раздробляет теперь Святой Хлеб, сначала по знаку, начертанному на Проксимида, на четыре части, с благоговением произнося: *раздробляется и разделяется Агнец Божий, раздробляемый и неразделяемый, всегда ядомый и никогда же иждиваемый, но освящали причащающиеся.* И сохранив одну из сих частей для приобщения себя и диакона Святого Тела в виде, не соединенном еще с Кровию, дробит потом части хлеба по числу приобщающихся, но не дробится в сем дроблении самое Тело Христово, которого и кость не сокрушилась, и в малейшей частице сохраняется тот же всецелый Христос, как в каждом члене нашего тела присутствует та же человеческая душа нераздельная и всецелая, как в зеркале, хотя бы оно и сокрушилось на сотни кусков, сохраняется отражение тех же предметов даже в самом малейшем куске. Как в звуке, нас огласившем, сохраняется то

же единство его, и остается он тот же самый единый всецелый звук, хотя и тысячи ушей его слышали. Но в Чашу не погружаются все те части, которые были вынуты на Проскомидии во имя святых, во имя усопших и во имя некоторых живущих. Они остаются до времени еще на дискосе: только частями, составляющими Тело и Кровь Господню, приобщается Церковь. В первоначальные времена Церкви причащались ими в виде несоединенном, как ныне приобщаются у нас одни иереи, и каждый, приемля в руки Тело Господа, испивал потом сам из Чаши. Но когда, — бесчинством невежественных новообращенных христиан, ставших только по имени христианами, — начали уносить Святые Дары в дома свои, употребляя их в суеверия и колдовства, или же бесчинно обращаться с ними тут же во храме, толкая друг друга, производя шум и даже проливая Святые Дары, когда нашлись в необходимости отцы многих Церквей отменить вовсе приобщение Крови для всего народа, заменив его хлебным знаком облатки, как сделала то у себя католическая Западная Церковь, — тогда святой Иоанн Златоуст, чтобы

не случилось и в Церкви Восточной того, установил преподавать народу Кровь и Тело не порознь, но в соединенном виде, и не давать ему ни того, ни другого в собственные руки, но преподавать святой ложкой, имеющей образ тех клещей, которыми огненный серафим прикоснулся устам пророка Исаяи, дабы напомнить всем, какого рода то прикосновение, которое готово прикоснуться устам, дабы увидел ясно всяк, что сей святой ложкой держит иерей тот горящий уголь, который схватил таинственными клещами серафим от самого жертвенника Божия, дабы единым только прикосновеньем его к устам пророка отъять от него все грехи его. Тот же самый Златоуст, чтобы удалить с тем вместе всякую мысль о том, что сие соединение Тела и Крови воедино и вместе делается произвольно иереем, ввел в минуту самого соединения их вместе влитие теплой воды в сосуд, знаменующее теплотворную благодать Духа Святаго, изливаемую в разрешение такого соединения, почему и произносится при этом диаконом: *Теплота веры, исполнь Духа Святаго*. А на самое влитие теплоты призывается благо-

словение Того же Духа Святаго, чтобы ничто не совершилось при этом без благословенья Самого Господа, чтобы в то же время и теплота послужила подобием теплоте Крови, давая самим вкушеньем ее чувствовать всякому, что не от мертвого тела, из которого не истекает теплая кровь, но от Живого, Животворящего и Животворного Тела Господня он ее приемлет, чтобы и здесь он слышал возвещенье того, что и от мертвого Тела Господня не отступила Божественная Душа, и было действие Духа оно полно, и Божество с ним не разлучалось.

Приобща вначале себя, потом диакона, служитель Христов предстоит новым человеком, как очищенный святынею приобщения от всех своих прегрешений, как святой истинно в эту минуту и как достойный приобщать других.

Врата царские разверзаются, диакон возносит торжественный глас: *со страхом Божиим и верою приступите!* И всем предстоит преображенный серафим с Святой Чашей в руках — иерей, во святых вратах стоящий.

Горя желанием Бога, сторя любовным

пламенем к Нему, сложив руки крестом на груди своей, один за другим подступают к нему приобщающиеся и, преклоня главу, повторяет всяк в себе сие исповедание Распятого:

Верую, Господи, и исповедую, яко Ты еси воистинну Христос, Сын Бога Живаго, пришедый в мир грешныя спасти, от них же первый есмь аз. Еще верую, яко Сие самое есть Пречистое Тело Твое и Сия есть самая Честная Кровь Твоя, молюся убо Тебе: помилуй мя и прости ми прегрешения моя, вольная и невольная, яже словом, яже делом, яже ведением и неведением, и сподоби мя неосужденно причаститься Пречистых Твоих Таинств во оставление грехов и в Жизнь Вечную. И остановившись на одно мгновение, дабы объять мыслию значение того, к чему приступает, продолжает глубиной сердца своего повторять последующие слова: Вечери Твоея Тайныя днесь. Сыне Божий, причастника меня прими: не бо врагом Твоим тайну повем, ни лобзания Ти дам, яко Иуда, но, яко разбойник, исповедую Тя: помяни меня, Господи, во Царствии Твоем. И совершив один миг благого-

вейного молчания в себе, продолжает: *Да не в суд или во осуждение будет мне причащение Святых Твоих Тайн, Господи, но во исцеление души и тела.*

И прочитав сие исповедание, уже не так, как к иерею, но как к самому огненному серафиму, приступает каждый, готовясь раскрытыми устами принять с святой ложки тот огнепальный уголь святого Тела и Крови Господа, который долженствует в нем погаснуть, как тленый хворост, весь черный дрязг его прегрешений, изгнав вечную ночь из души его, превратив его самого в просветленного серафима. И когда, подъяв святую ложку над устами его и упомянувши его, произнесет иерей: *Причащается раб Божий Честныя и Святыя Крови Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа во оставление грехов своих и в Жизнь Вечную*, приемлет он Тело и Кровь Господа, и в них приемлет минуту свиданья с Богом, становясь лицом к лицу к Нему Самому. В минуте этой нет времени, и ничем не отличается она от самой вечности, ибо в ней пребывает Тот, Кто есть начало вечности. Прияв в Теле и Крови сию великую минуту, испол-

ненный святого ужаса, стоит приобщившийся; святым воздухом осушаются уста его при повторении серафимских слов пророку Исайе: *Се прикоснуся устам твоим, и отымет беззакония твоя, и грехи твоя очистит.* Сам святой, возвращается он от Святой Чаши, поклоняясь святым, их приветствуя, и поклоняясь всем предстоящим, как ближайшим в несколько раз своему сердцу, чем дотоле как связавшихся теперь с ним узами святого, небесного родства, и становится потом на свое место, исполненный той мысли, что принял в Себя Самого Христа и что Христос в нем, что Христос сошел Своею плотью, как во гроб, к нему в утробу, дабы, проникнув потом в тайное хранилище сердца, воскреснуть в духе его, совершая в нем самом и погребенье, и Воскресенье Свое. Сияет светом сего духовного Воскресенья вся церковь, и воспевают певцы сии ликующие песни:

Воскресение Христово видевше, поклонимся Святому Господу Иисусу, Единому Безгрешному. Кресту Твоему поклоняемся, Христе, и Святое Воскресение Твое поем и славим: Ты бо еси Бог наш, разве Тебе иного не знаем, имя

Твое именуем. Приидите вси вернии, поклонимся Святому Христову Воскресению: се бо прииде крестом радость всему миру. Всегда благословяще Господа, поем Воскресение Его: распятие бо претерпев, смертью смерть разруши. И подобно ангелам, соединяющимся в то время:

Светися, светися, Новый Иерусалиме, слава бо Господня на тебе возсия. Ликуй ныне и веселися, Сионе; Ты же Чистая красуйся Богородице о восстании Рождества Твоего. О Пасха Велия и Священнейшая, Христе! О Мудросте и Слове Божий и Сило! Подавай нам истее Тебе причащаются, в невечернем дни Царствия Твоего!

В продолжение же того, как воскресными песнями оглашается ликующая церковь, священник в закрытом олтаре, поставив Святую Чашу на святую трапезу, которая так же, как и дискос, покрывается вновь покровами, произносит благодарственную молитву Самому благодетелю душ Господу за удостоверение приобщиться небесных и бессмертных Его Таинств и заключает ее прошением, да исправит путь наш, утвердит нас всех в священном

страхе к нему, соблюдает житие наше и соде-
лает твердыми стопы наши.

И разверзаются затем в последний раз цар-
ския врата, возвещая разверзаньем своим
разверзанье самого Царствия Небесного, кото-
рое доставил Христос всем принесеньем Са-
мого Себя в духовную снедь всему миру. В ви-
де Святой Чаши, износимой диаконом в со-
провождении слов: *со страхом Божиим и ве-
рою приступите*, и в ее отнесении изобразу-
ется исход Самого Господа к народу, дабы воз-
вести их всех с собою в дом Отца Своего. Гро-
мом торжественного песнопенья гремит весь
лик в ответ: *Благословен грядый во имя Гос-
подне, Бог Господь и явися нам!* И громом пес-
нопенья духовного, исходящего из глубины
возрастающего духа, совоспевает ему вся цер-
ковь. Священник же, благословив предстоя-
щих словами: *Спаси, Боже, люди Твоя и благо-
слови достояние Твое*, — ибо предполагает,
что все по чистоте в эту минуту обратились в
собственное достояние Божие, — устремляет-
ся мыслью к вознесению Господню, которым
завершилось его пребывание на земле: стано-
вится вместе с диаконом пред святым престо-

лом, и, поклоняясь, кадит он в последний раз, и кадя произносит в себе: *Вознесися на небеса, Боже, и по всей земли слава Твоя*, между тем как лик восторгающим песнопением и звуками, сияющими весельем духовным, стремится просветленные души всех предстоящих к произнесению вослед за ним сих слов самой радости духовной: *Видехом свет истинный, прияхом духа небесного, обретохом веру истинную, Нераздельной Троице поклоняемся, Та бо нас спасла есть.*

Диакон показывается в святых дверях с святым дискосом на главе, не произнося ни одного слова: безмолвным воззрением своим на все собрание и уходом знаменует удаление от нас и вознесение Господне. Вослед за диаконом показывается в святых дверях иерей с Святою Чашею и возвещает пребывание с нами до скончания веков вознесшегося Господа словами: *Всегда, ныне, и присно, и во веки веков*, после чего и Чаша, и дискос относятся вновь на боковой жертвенник, на котором совершалась Проскомидия, который изображает теперь уже не вертеп, видевший Рождение Христово, но то верховное место славы, где

совершился возврат Сына в лоно Отчее.

Здесь вся церковь, предводимая поющим ликом, соединяется в одно торжественно-благодарное пение душ своих; и сии суть слова ее восхваления: *Да исполнятся уста наша хваления Твоего, Господи, яко да поем славу Твою, яко сподобил еси нас причаститися Святым Твоим Божественным, Бессмертным и Животворящим Тайнам: соблюди нас во Твоей святыни, весь день поучатися правде Твоей!* И воспевает троекратно вслед за тем хор певцов воздвигающее слово: *аллилуйя*, говорящее им непрестающее хождение и всюду пребывание Божие. Диакон же восходит на амвон воздвигнуть в последний раз предстоящих к молениям благодарственным. Подъяв орарь тремя перстами руки своей, говорит он: *Прóсти, приимши Божественных, Святых, Пречистых, Бессмертных, Небесных и Животворящих, Страшных Христовых Тайн, достойно благодарим Господа. И благодаря сердцами, воспевают все тихо: Господи, помилуй! — Заступи, спаси, помилуй и сохрани нас. Боже, Твоею благодатию! —* взывает в последний раз диакон. И воспевают все: *Госпо-*

*ди, помилуй! — День весь совершен, свят, мирен и безгрешен испросивши, сами себя и друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим. И с покорностью кроткой младенца, в небесной доверенности к Богу, все восклицают: Тебе, Господи! А священник, складывая в это время антиминос и с Евангелием в руках, ознаменовав <...> возглашает троичное славословие, которое, озаряв доселе, подобно всеозаряющему маяку, весь путь богослужения, и теперь вспыхивает еще сильнее светом в просветившихся душах; и такое на сей раз обращение троичного славословия: *Яко Ты еси освящение наше, и Тебе славу воссылаем, Отцу, и Сыну, И Святому Духу, ныне, и присно, и во веки веков.**

Затем священник приступает к боковому жертвеннику, на котором постановлены Чаша и дискос. Все те частицы, которые оставались доселе на дискосе и были вынуты на Проскомидии в воспоминание святых, в упокой усопших и в душевное здравие живущих, теперь погружены во Святую Чашу и в сем действии их погружения приобщается Телу и Крови Христовой вся Церковь Его — и та, ко-

торая еще странствует и воинствует на земле, и та, которая уже торжествует на небесах: Богоматерь, пророки, апостолы, отцы церковные, святители, отшельники, мученики, все грешные, за которых были вынуты части, на земле живущие и отшедшие, приобщаются в эту минуту Телу и Крови Христовой. И священник, предстоя в такую минуту пред Богом, как представитель всей Его Церкви, испивает из Чаши сие причащение всех и, приемля в себя приобщение всех, молится о всех, да омыются грехи их, ибо за искупление всех принесена жертва Христом как за тех, которые жили до Его пришествия, так и за тех, которые жили по пришествии Его. И как бы ни была грешна молитва его, но священник возносит ее за всех, даже за самых святейших, ибо, как сказал Златоуст, общее предлежит очищение вселенных.

Церковь повелевает о всех возносить всеобщую молитву; высокое значение такой молитвы и ее строгая надобность узнались не мудрецами мира и не совопросниками века, но теми верховными людьми, которые высоким духовным совершенством и небесно-ан-

гельской жизнью дошли до познания глубочайших душевных тайн и видели уже ясно, что разлуки нет между живущими в Боге, что минутной тленностью нашего тела не прекращаются сношения, и что любовь, завязанная на земле, приходит в большую меру на небесах, как на родине своей, и брат, отшедший от нас, становится еще ближе к нам от силы любви. И, все что ни истекает из Христа, то вечно, как вечен сам источник, из которого оно истекает. Слышали также они высшими органами чувств своих, что и на небесах торжествующая Церковь долженствует молиться и молится также о странствующих на земле братьях своих; слышали они, что Бог предоставил, как лучшее из наслаждений, наслаждение молиться, ибо ничего не совершает Бог и ничему не благодетельствует, не делая участником в самом совершении и в самом благодеянии Своем Свое творение, да насладится оно высоким блаженством благотворения: несет ангел Его повеление и утопает в блаженстве уже оттого, что несет Его повеление. Молится на небесах святой о братьях своих на земле, и утопает в блаженстве уже отто-

го, что молится. И все соучаствует с Богом во всех высочайших Его наслаждениях и блаженствах: миллионы совершеннейших творений исходят из рук Божиих, дабы участвовать в высших и высших блаженствах, и нет им конца, как нет конца Божьим блаженствам. Испив из Чаши приобщение всех с Богом, иерей выносит народу те просфоры, от которых были отделены и изъяты частицы, и сим сохраняет высокий древний образ Трапезы Любви, исполнявшийся христианами первых времен. Хотя и не накрывается теперь для этого стол, по причине того, что невежественными христианами, безумным буйством их ликований, словами раздора, а не любви, давно была опозорена святыня этого трогательного небесного пиршества в самом доме Божиим, на котором все пировавшие были святы, как одна душа были души их, и, чистые младенцы сердцем, вели они такую беседу, как бы у Самого Бога были на небесах; хотя сами Церкви увидели строгую надобность уничтожить это, и самое воспоминанье об этой трапезе исчезнуло во многих Церквях; но, несмотря на то, одна Восточная Церковь не

могла решиться на уничтожение вовсе такого обряда, и в раздаче Святого Хлеба посреди церкви всему народу совершает ту же Святую Трапезу Любви. А потому всяк приемлющий просфору и приемлет ее, как хлеб от того пиршества, за которым Сам Хозяин мира беседовал с людьми своими, — а потому вкушал бы благоговеино, представляя себя окруженного всеми людьми, как нежнейшими братьями своими, — и так же, как было в обычае первоначальной Церкви, вкушает его прежде всякой другой пищи, или относит в дом свой домашним, или же отправляет больным, неимущим и тем, которые почему-нибудь не могли быть на то время в церкви.

Раздав Святой Хлеб, священник творит отпуст Литургии и благословляет весь народ словами: *Христос, Истинный Бог наш, молитвами Пречистыя Своем Матери, молитвами отца нашего архиепископа Иоанна Златоуста (если Литургия Златоуста идет день в день), молитвами свмтаго (и называет по имени святого, его же день) и всех свмтых помилует и спасет нас мко Благ и Человеколюбца.* Народ, знаменуясь крестом и поклоняясь,

расходится при громком пении лика, много-
летствующего императора.

Священник в олтаре совлекается от одея-
ний своих произнося: *Ныне отпущаеши раба
Твоего*, и сопровождая разоблачение хвалеб-
ными тропарями, гимнами отцу и святителю
церковному, которого служилась Литургия, и
той Пречистой Святой Деве, в Которой совер-
шилось вочеловеченье Того, Кому служилась
вся Литургия. Диакон в это время потребляет
все оставшееся в Чаше и потом, налив в нее
вина и воды и всполоснув внутренние стены
ее, испивает, осушив тщательно губкой, дабы
ничто не оставалось слагает святые сосуды
вместе, покрыв и обвязав их и подобно свя-
щеннику говорит: *Ныне отпущаеши раба Тво-
его*, повторяя те же песни и молитвы. И оба
выходят, наконец, из храма, неся сияющую
свежесть в лице, радость ликующую в духе,
благодаренье Господу на устах своих.

Заключение

Действие Божественной Литургии над душой велико: зримо и воочью совершается, в виду всего света, и скрыто. И если только молившийся благоговейно и прилежно следит за всяким действием, покорный призыванию диакона, — душа приобретает высокое настроение, заповеди Христовы становятся для него исполнимы, иго Христово благо и бремя легко. По выходе из храма, где он присутствовал при Божественной Трапезе Любви, он глядит на всех, как на братьев. Примется ли он за обыкновенное течение своих дел в службе ли, в семье, где бы ни было, в каком бы ни было <...>, сохраняет невольно в душе своей высокое начертанье любовного обращения с людьми, принесенного с небес Бого-человеком. Он невольно становится милостивей и любовней с подчиненным. Если сам под властью другого, то охотней и любовней ему повинуется, как Самому Спасителю. Если видит просящего помощи, сердце его более чем когда-либо располагает помочь, чувствует он больше наслаждения, с любовью дает он

неимущему. Если он неимущий, он благодарно принимает малейшее даяние: растроганное сердце его теряется в благодарности, и никогда с такой признательностью не молится он о своем благодетеле. И все, прилежно слушавшие Божественную Литургию, выходят кротче, милее в обхожденьи с людьми, дружелюбнее, тише во всех поступках.

А потому для всякого, кто только хочет идти вперед и становиться лучше, необходимо частое, сколько можно, посещение Божественной Литургии и внимательное слушанье: она нечувствительно строит и создает человека. И если общество еще не совершенно распалось, если люди не дышат полною, непримиримой ненавистью между собою, то сокровенная причина тому есть Божественная Литургия, напоминающая человеку о святой, небесной любви к брату. А потому кто хочет укрепиться в любви, должен, сколько можно чаще, присутствовать, со страхом, верою и любовью, при Священной Трапезе Любви. И если он чувствует, что недостойн принимать в уста свои Самого Бога, Который весь любовь, то хоть быть зрителем, как приобща-

ются другие, чтобы незаметно, нечувствительно становиться совершеннее с каждой неделей.

Велико и неисчислимо может быть влияние Божественной Литургии, если бы человек слушал ее с тем, чтобы вносить в жизнь слышанное.

Всех равно уча, равно действуя на все звенья, от царя до последнего нищего, всем говорит одно не одним и тем же языком, всех научает любви, которая есть связь общества, сокровенная пружина всего стройно движущегося, пища, жизнь всего.

Но если Божественная Литургия действует сильно на присутствующих при совершении ее, тем еще сильнее действует на самого совершателя, или иерея. Если только он благоговейно совершал ее со страхом, верой и любовью, то уж весь он чист, подобно сосудам, которые уже ни на что потом.; пребывает ли он весь тот день в отправлении своей многообразной пастырской обязанности, в семье ли посреди своих домашних, или посреди своих прихожан, которые суть также семья его, — Сам Спаситель в нем вообразится, и во всех

действиях его будет действовать Христос; и в словах его будет говорить Христос. Будет ли склонять он на примиренье между собой враждующих, будет ли преклонять на милость сильного к бессильному, или ожесточенного, или утешать скорбящего, или к терпению угнетенного, или... — слова его приобретут силу врачующего елея и будут на всяком месте словами мира и любви.

Примечание

Все прочие, которые бы захотели узнать более таинственные и глубокие объяснения, могут найти их в сочинениях патриарха Германа, Иеремии, Николая Кавасилы, Симеона Солунского, в Старой и Новой Скрижали, в объяснениях Дмитриева и, наконец, в некоторых... *(Примеч. Н. В. Гоголя.)*

[^^^]